

АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КУСМАНОВА АСЕЛЬ АБАЙБЕКОВНА

Вина как уголовно – правовая категория в законодательстве
Республики Казахстан

Диссертация на соискание степени магистра национальной безопасности и
военного дела по образовательной программе 7М12303 «Правоохранительная
деятельность» (научно-педагогическое направление)

Научный руководитель:
профессор кафедры
специальных юридических
дисциплин
Жемпиисов Н.Ш.,
кандидат юридических наук,
советник юстиции

г. Косшы, 2025 г.

ТҮЙІНДЕМЕ

Бұл жұмыс Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасындағы кінә және кінәлі жауапкершілік институтын құқық қолдану мәселелеріне арналған.

Жұмыстың негізінде кінәні және кінәлі жауапкершілікті айқындаудың проблемалық мәселелері бойынша қазақстандық және шетелдік тәжірибені зерттеу жатыр.

Автор зерттеу саласындағы қолданыстағы заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар ұсынды, жұмыс нәтижелері тексерілді.

Диссертациялық жұмыстың құрылымы қойылған мақсат пен міндетке байланысты. Жұмыс кіріспеден, екі тараудан (2 бөлімнен тұрады), қорытындыдан, пайдаланылған көздер тізімінен және қосымшадан тұрады.

РЕЗЮМЕ

Данная работа посвящена проблемам правоприменения института вины и виновной ответственности в уголовном законодательстве Республики Казахстан.

В основе работы лежит исследование казахстанского и зарубежного опыта по проблемным вопросам определения вины и виновной ответственности.

Автором предложены рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в области исследования, результаты работы апробированы.

Структура диссертационной работы обусловлена поставленной цели и задачи. Работа состоит из введения, двух глав (включающие 2 раздела), заключения, списка использованных источников и приложения.

SUMMARY

This work is devoted to the problems of law enforcement of the institution of guilt and culpable responsibility in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan.

The work is based on the study of Kazakhstani and foreign experience on problematic issues of determining guilt and culpable responsibility.

The author offers recommendations for improving the current legislation in the field of research, the results of the work are tested.

The structure of the thesis is determined by the set goals and objectives. The work consists of an introduction, two chapters (including 2 sections), a conclusion, a list of sources used, and an appendix.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1. ПОНЯТИЕ ВИНЫ И ВИНОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ	
1.1 Развитие виновной ответственности в уголовном законодательстве Казахстана: историко – правовой анализ.....	9
1.2 Понятие вины и ее соотношение с другими признаками субъективной стороны правонарушения в уголовном праве	13
1.3 Значение вины в уголовном праве зарубежных стран	17
2. ФОРМЫ ВИНЫ И ИХ РОЛЬ В ОПРЕДЕЛЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ	
2.1 Характеристики признаков, образующих умысел	24
2.2 Характеристики признаков, образующих неосторожность	35
2.3 Характеристики признаков, образующих двойную форму вины	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	54
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	57
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	61

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

КРК – Конституция Республики Казахстан;

УК РК – Уголовный кодекс Республики Казахстан;

Ст. – статья;

ч. – часть;

п. – пункт;

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;

СССР – Союз Советских Социалистических Республик;

УК – Уголовный кодекс;

КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика;

США – Соединенные Штаты Америки;

КПСиСУ ГП РК – Комитет по правовой статистике и специальным учетам;

АЭС – атомная электростанция;

ГП РК – Генеральная прокуратура Республики Казахстан;

РФ – Российская Федерация;

НП ВС – Нормативное постановление Верховного суда;

ЗРК – Закон Республики Казахстан;

др. - другие

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что с развитием цивилизации человеческая жизнь, права и свободы приобрели наивысшую ценность и принцип ответственности за вину сегодня является одним из центральных принципов правовой действительности, именно поэтому институт вины приобретает такую значимость.

Исторически развитие общества сопровождалось постепенным осознанием ценности человеческой личности и необходимости ее защиты. Эволюция правовых систем от архаичных норм к современным законам отражает этот процесс: от первобытных обычаев, в которых защита интересов общины преобладала над индивидуальными правами, до современных концепций, основанных на приоритете прав человека.

Одним из важнейших аспектов этого процесса стало развитие института вины в уголовном праве. Вина как психическое отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям является ключевым элементом, обеспечивающим справедливость уголовной ответственности.

Именно с помощью института вины реализуется принцип индивидуализации наказания, который исключает возможность привлечения к ответственности без учета субъективного отношения лица к совершенному деянию.

Современная правовая парадигма, характеризующаяся приоритетом прав и свобод личности, одни из которых закреплены в ст.ст. 12 – 18 КРК [1] и ст. 3 Всеобщей декларации прав человека «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [2], обусловила необходимость глубокой дифференциации форм вины как элемента субъективной стороны правонарушения.

В правоприменительной деятельности достаточно часто возникают ошибки при квалификации правонарушений, обусловленные с неправильной интерпретацией субъективной стороны состава правонарушения. Подобные ошибки зачастую могут проявляться в неверном определении формы вины, а также некорректной оценке мотивов и целей совершенного деяния. Вследствие этого возможно вынесение несправедливых решений, в том числе случаев, когда лицо привлекается к ответственности за наступившие вредные последствия, несмотря на отсутствие у него вины.

Неправильное понимание и применение норм, регулирующих субъективные признаки правонарушения, приводит к искажению объективной картины деяния и нарушает принципы справедливости уголовного судопроизводства. Кроме того, такие квалификационные ошибки наносят ущерб доверию к правовой системе и подрывают законность, что требует системного анализа причин их возникновения и разработки эффективных мер по их предотвращению в рамках совершенствования теории и практики уголовного права.

Подобные нарушения правосудия требуют тщательного анализа и изучения, так как установление истинных намерений и мотивации лица играет ключевую роль в правосудии.

Оценка современного состояния решаемой научной проблемы. В Казахстане положения вины и виновной ответственности косвенно рассматривались в трудах У.С. Джекебаева, Р.Т. Нуртаева, Е.И. Каиржанова, И.И. Рогова, И.Ш. Борчашвили, С.М. Рахметова.

В Российской Федерации институт вины исследовался П.С. Дагель, В.Е. Квашис, В.Г. Макашвили, А.А. Пионтовским, А.И. Рарог, С.В. Кораблевой и другими учеными.

Целью исследования является комплексное изучение основных теоретических положений и норм уголовного законодательства о вине и виновной ответственности с выработкой предложений и рекомендаций по их совершенствованию.

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие задачи:

- проведение историко-правового анализа становления и современного состояния отечественных научных концепций вины и виновной ответственности;
- изучение положений уголовного законодательства и научных взглядов ряда зарубежных стран относительно форм и видов вины, а также особенностей квалификации правонарушений на их основе;
- осуществление комплексного анализа действующих правовых норм, теоретических основ и практики применения законодательства, касающегося института вины;
- формулирование выводов и рекомендаций, способствующих совершенствованию уголовного законодательства и практики его реализации в части вины и ответственности.

Объект исследования выступают научные представления о вине и ее формах с учетом возможностей и способов их реализации в правоприменительной и судебной практике.

Предмет исследования – отечественные и зарубежные нормы, правоприменительная практика, статистические и аналитические данные, научные работы по тематике.

Методами и методологическую основу проведения настоящего исследования составили совокупность общенаучных и часто – научных методов исследования: анализ, синтез, аналогия, сравнение, исторический, социологический, статистический, логический и другие методы исследования.

Новизна исследования. На сегодняшний день существуют ряд исследований отечественных ученых, косвенно затрагивающих в своих трудах вину. Новизна выбранной темы исследования обусловлена необходимостью всестороннего и углубленного анализа воздействия института вины и ее различных форм на процесс квалификации уголовных правонарушений. В рамках исследования разработаны и обоснованы с научной точки зрения

рекомендации, направленные на совершенствование теоретических основ уголовного права, а также нормативно – правового регулирования института вины.

Положения, выносимые на защиту:

1. Внесение понятия вины в действующее уголовное законодательство приобретает особую значимость, поскольку обеспечит четкое и однозначное определение вины в качестве самостоятельного субъективного основания для привлечения к уголовной ответственности. В связи с чем предложено внести авторское понятие вины в статью 3 «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» УК РК пунктом 25-1 следующего содержания: «Вина – это психическое отношение лица, выражающееся в осознанном восприятии им совершаемого общественно – опасного деяния и волевом отношении к наступлению его общественно – опасных последствий, проявляющееся в форме умысла или неосторожности».

2. В целях законодательного урегулирования пределов ответственности группы лиц за неосторожное правонарушение предложено внести в теорию уголовного права институт неосторожного сопричинения с формулировкой определения следующего содержания: «Неосторожное сопричинение – это действия (бездействие) двух и более лиц, совершенные по неосторожности, каждый из которых нарушил установленные (предписанные) требования безопасности, если эти действия (бездействия) находятся в причинной связи с наступлением общественно – опасных последствий, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Казахстан».

3. В целях обеспечения единообразного подхода к правоприменению в случаях, когда преступный результат является следствием неосторожных действий нескольких лиц, в рамках данной работы разработаны рекомендации для применения их в практической деятельности.

Данные рекомендации направлены на повышение эффективности уголовного преследования в ситуациях неосторожного сопричинения, в частности:

- сформулированы признаки, позволяющие разграничивать неосторожное сопричинение и соучастие;
- предлагаются критерии квалификации и алгоритмы доказывания при расследовании групповых правонарушений по неосторожности;
- обоснована необходимость корректировки следственной и судебной практики с учётом кумулятивного характера нарушений;
- содержатся предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства;
- подчёркивается значение комплексного межведомственного подхода к расследованию инцидентов, возникающих вследствие халатности и недостаточного контроля со стороны различных субъектов.

Разработанные положения имеют практическую применимость и могут быть использованы органами досудебного расследования, прокуратурой,

судами, а также в системе профессиональной подготовки следователей и экспертов [Приложение 1].

Апробация и внедрение результатов диссертации. Результаты, полученные в ходе исследования, нашли свое применение в педагогической и практической деятельности и подтверждены актами внедрения Astana International University и Линейного управления полиции на станции Астана Департамента полиции на транспорте [Приложение 2], а также двумя научными публикациями по теме исследования: 1. «Проблемные аспекты при определении вины за совершение угрозы» опубликована в Сборнике Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (2024 г.); 2. «Актуальность применения неосторожного сопричинения при квалификации некоторых правонарушений» опубликована в Международном научно-практическом журнале «Endless light in science».

1. Понятие вины и виновной ответственности в уголовном праве: историческое развитие и современные теоретические концепции

1.1 Развитие виновной ответственности в уголовном законодательстве Казахстана: историко – правовой анализ

Понятие вины и связанные с ним принципы виновной ответственности являются центральными категориями уголовного права. Историческое развитие этих институтов на территории Казахстана прошло сложный путь норм казахского обычного права эпохи Казахского ханства до восприятия и трансформации под влиянием российского и советского законодательства.

В самой ранней правовой традиции времен рабовладельческого строя виновность лица фактически отождествлялась с причинением вреда: достаточным основанием считать человека виновным являлось наличие ущерба, при этом субъективное отношение к содеянному не играло никакой роли.

Со временем, по мере развития права произошел переход от объективного понимания правонарушения, основанного только на факте вреда к субъективному, т.е. стало учитываться психическое отношение лица к своему деянию.

Казахское обычное право, именуемое адат, в период Казахского ханства представляло собой совокупность традиционных правовых норм, санкционированных властью для регулирования общественных отношений.

Вплоть до XIX века в языке казахского права отсутствовал термин «преступление», вместо него употреблялись выражения «жаман іс» - дурное дело, «жаман қылық» - дурной поступок, «күна» - грех, «жазық» - вина [3].

Вместе с тем, его нормы в определенных аспектах превосходили традиционно правовые системы других народов.

Архивные источники времен правления хана Тауке (1680-1715 гг.), основоположника свода законов «Жеті Жарғы», свидетельствуют о развитой правовой системе, которая включала в себя четкие механизмы регулирования общественных отношений, разрешения споров и поддержания порядка.

Действовавший свод законов, охватывал широкий спектр правовых вопросов, в том числе имущественные отношения, семейное право, уголовная ответственность и судебные процедуры.

Несмотря на то, что в данном своде законов не были охвачены все элементы преступного деяния, однако такой аспект как вина все же учитывалась судами биев при рассмотрении правовых вопросов и вынесении наказаний.

В казахском уголовном праве того времени имелись различия по формам вины на умышленную (қастық) и неумышленную (абайсыздық или қателік).

При этом, преступление, совершенное умышленно признавалось наиболее тяжким, чем совершенное по неосторожности и наказание за такое преступление было вдвойне строже [3].

В своде законов Тауке хана упоминается о понесении наказания за воровство, грабеж, насилие, прелюбодеяние, похищение женщины, кровосмешение, богохульство, оскорбление и другие действия, совершаемые только умышленно.

Предусматривалась и ответственность за убийство, увечье, ранение, которые могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, о чем свидетельствуют записи казахского обычного права, произведенных в первой половине XIX века чиновниками Оренбургской пограничной комиссии.

В рапорте поручика Аитова 26 февраля 1946 года указывалось, что за умышленное убийство султана виновный платит кун в размере 1500-2000 баранов, а за неумышленное убийство его – половину куна.

За умышленное отцеубийство дети приговаривались к смертной казни, а «за неумышленное преступление не полагается наказания и обстоятельство это передается суду Божию» [3].

Вместе с тем, в отличии от современной системы права, не имелось разграничений форм вины, в частности умысла на прямой и косвенный, неосторожности на преступную небрежность и преступную самонадеянность и двойную форму вины.

Помимо вопроса вины, также учитывались такие факторы как психическое состояние лица на момент совершения деяния. Невменяемые лица освобождались от ответственности. Н.И. Гроденков писал: «Безумные от рождения и глухонемые за совершенные преступления не наказываются и родственники за них не ответственны. Родственники несли имущественную ответственность за поступки невменяемых, малолетних или умерших преступников (имущество и семья умершего переходили по наследству к ним)» [3].

Стоит отметить, что в уголовной системе того времени, как и в ныне действующей уголовной системе, было чуждо объективное вменение.

Действия, совершенные случайно, не рассматривались как преступление, а иногда влекли за собой лишь ответственность в гражданском порядке.

Например, при наступлении смерти в результате случайных действий родственникам потерпевшего платили на расходы для похорон.

Так, в Сборнике обычного права 1824 года говорится: «Кто стопчет лошадью совсем неумышленно, т.е. если испугается лошадь, изорвет на себе узду и тому подобное, то за таковое той только лошадью платится, которая стопчет, хотя бы от сего стоптания кто и умер».

За тяжелые последствия, явившиеся результатом случайных, непреднамеренных действий, вообще не привлекали к уголовной ответственности [3].

В 1730 году с момента начала вступления в протекторатно – вассалитетные отношения с Российским государством началось постепенное проникновение российских правовых норм в казахскую правовую среду.

На начальном этапе колонизации уголовные законы Российской империи распространялись на казахские земли формально, но фактически сосуществовали с обычным правом.

До середины XIX столетия на территории Казахстана юридическую силу сохраняли своды законов «допетровской» эпохи – в частности «Соборное уложение царя Алексея Михайловича», 1649 года и «Воинские артикулы Петра I», 1715 года. Российские власти постепенно внедряли собственную судебную систему и законодательство, особенно на рубеже XIX века.

Вместе с тем, допускалось применение адата в локальных спорах для удобства управления.

В последующие десятилетия влияние Российской империи усиливалось и были учреждены новые административно – правовые порядки, закрепленные в «Уставе о сибирских киргизах», 1822 года и «Уставе об оренбургских киргизах», 1824 года, которые стали ограничивать действия устоявшихся традиционных институтов права [4, с. 314-392].

Стоит отметить, что Российское законодательство XVIII века, также как и обычное право казахов, учитывали субъективную виновность. Так, Воинский артикул Петра I различал преступные деяния на умышленные, неосторожные и случайные, введя понятие казуса или случайного деяния. Это значило, что наказанию подлежали главным образом лица, действовавшие с умыслом, либо по небрежности, тогда как случайное причинение вреда могло и не влечь уголовной кары.

К началу XIX века в Российской государственности формируется более системное уголовное законодательство, отраженное в Своде законов Российской империи. В данном своде законов, а также принятом в 1845 году Уложении о наказаниях уголовных и исправительных была закреплена дифференциация форм вины.

Так, в статью 5 указанного свода законов введена норма, предусматривающая ответственность за неосторожность в двух видах: «1) когда виновный легко мог предвидеть, что действие его может повлечь противозаконные последствия... и 2) когда виновный совершил действие, законом не воспрещенное, не думая, чтобы из оногo смогло произойти противозаконное последствие, однако же при надлежащей осмотрительности мог бы избежать противозаконного последствия» [4, с. 311].

Со второй половины XIX века, под влиянием принципов российского права, в сборнике казахского адата, действовавшего на тот момент, отмечаются значительные изменения в части индивидуализации наказания соучастников преступления в зависимости от степени их вины.

К началу XX века казахское общество во многом усвоило представления о преступлении и наказании, основанные на принципе субъективной виновности. Принятый в 1903 году Уголовное уложение Российской империи закрепляло, что тяжкие преступления могут повлечь ответственность лишь при наличии умысла,

тогда как деяния, совершенные по неосторожности, караются только если это прямо предусмотрено законом.

Влияние этого принципа на существующее правосознание проявилось в том, что представление о преступлении как о деянии, соединяющем вредный результат и виновное поведение, укоренилось и в правовой культуре казахского общества.

Кардинальные изменения в уголовно-правовой системе произошли после Октябрьской революции 1917 года и образования советского государства. Разрушение старых правовых институтов сопровождалось поиском новых принципов, в том числе переосмыслением роли вины в уголовной ответственности.

В принятых 12 декабря 1919 года «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» «прямо провозглашалось, что наказание не является возмездием за вину и не служит ее искуплением» [5].

Этот документ не дифференцировал преступление по формам вины – фактически игнорируя понятия умысла и неосторожности как юридически значимые. Однако, уже полностью уйти от учета виновности не удалось: в Руководящих началах 1919 года содержалась норма (ст.12) о необходимости учитывать степень предвидения последствий деяния, что по сути возвращало критерий формы вины при назначении «мер социальной защиты».

Таким образом, на уровне теории провозглашалась целенаправленность наказания на социальную защиту без ссылок на моральную вину, но на практике учет умысла и неосторожности не исчез.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года стал первым советским кодексом, действие которого распространилось и на территории Казахстана, входившего в состав СССР. В данном кодексе принцип виновной ответственности приобрел достаточно четкое нормативное закрепление.

Так, согласно статье 11 данного Кодекса, уголовному преследованию подлежали исключительно те лица, чьи противоправные деяния были совершены с наличием вины в форме умысла либо неосторожности. Умышленным признавалось поведение, при котором субъект предвидел возможные последствия своих действий и либо стремился к их наступлению, либо сознательно допускал их.

В свою очередь, неосторожность характеризовалась отсутствием предвидения последствий при наличии обязанности их предвидеть, либо самонадеянным расчетом на предотвращение таких последствий.

Таким образом, советское право вернулось к классической доктрине двух форм вины, фактически унаследованной от дореволюционной правовой традиции.

Более того, УК 1922 года предусматривал перечень обстоятельств, смягчающих вину, что свидетельствовало о дальнейшем развитии принципа учета степени виновности при индивидуализации наказания.

1.2 Понятие вины и ее соотношение с другими признаками субъективной стороны правонарушения в уголовном праве

Современный УК, как и ранее действовавший уголовный кодекс КазССР, не содержит понятия вины, а лишь определяется конкретными ее формами. В то же время, прежде чем описывать формы вины, следует определить ее понятие и сущность [6].

Е.И. Каиржанов отмечает «Вина представляет собой сложный аспект, состоящий из двух важнейших элементов: внешней – физической и внутренней – психологической. Составляющей внутренней – психологической является субъективное отношение лица к совершаемому им деянию.

В теории уголовного права это именуется субъективной стороной правонарушения. Она включает в себя вину, мотив и цель, которые в совокупности характеризуют психическое отношение человека к своим действиям и их последствиям» [7].

Тем не менее, в уголовно – правовой доктрине неоднократно предпринимались попытки определения понятия вины различными исследователями.

И.Ш. Борчашвили сформулировал понятие вины следующим образом: «Вина как уголовно – правовое понятие – это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и к его общественно опасным последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности. Его составными элементами являются сознание и воля» [8].

Рарог А.И., в одной из своих ранних научных работ, обобщив определения вины, предложенные его предшественниками, дает такое определение понятию вины: «Вина есть психическое отношение в форме умысла или неосторожности лица к совершаемому им общественно опасному деянию, обусловленное вредными искажениями ценностных ориентаций данного лица и выражающее его антисоциальную, асоциальную либо недостаточно выраженную социальную установку по отношению к основным ценностям общества» [9].

С.М. Рахметов сформулировал определение вины следующим образом: «Вина – это определенное психическое отношение лица, совершившего уголовное правонарушение, к своему конкретному поведению, содержащему признаки уголовного правонарушения и его последствиям» [10, с. 68].

Приведенные выше формулировки понятия вины варьируются в зависимости от глубины философско – психологического осмысления и степени включения в нее социологических компонентов.

Сравнение определений, предложенных И.Ш. Борчашвили, А.И. Рарогом и С.М. Рахметовым позволяет выявить как общие черты, так и концептуальные различия в подходах.

Так, И.Ш. Борчашвили рассматривает вину исключительно в рамках традиционной уголовно – правовой парадигмы, определяя ее как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его

последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности. При этом, акцент сделан на двух обязательных элементах – сознании и воле. Этот подход подчеркивает внутреннюю осознанность и волевую направленность действий субъекта, без выхода за пределы традиционной доктрины уголовного права.

В свою очередь, А.И. Рарог, расширяя традиционное понимание вины, включает в ее определение не только психическое отношение лица, но и его ценностные ориентации и социальные установки, что приближает его трактовку к социально – психологическому подходу.

По мнению ученого, виновное поведение обусловлено искажениями в сфере личностных установок, которые могут носить антисоциальный, асоциальный или слабо выраженный социальный характер.

Таким образом, А.И. Рарог предлагает оценочную, аксиологическую интерпретацию вины, выходящую за пределы правового формализма. Это особенно ярко проявляется в примере, где автор подчеркивает, что помимо осознанного отношения к деянию и его последствиям, вину необходимо анализировать в контексте ценностей, которыми руководствуется субъект, а также степени его интеграции в систему социальных норм.

Такой подход значительно расширяет границы уголовно-правового анализа, предлагая учитывать глубинные мотивационные установки личности.

С.М. Рахметов, сохраняя принадлежность к традиционному подходу, предлагает более лаконичную и нейтральную формулировку, определяя вину как определенное психическое отношение лица к своему поведению, содержащему признаки уголовного правонарушения и к его последствиям.

В этом определении отсутствует детальное разграничение форм вины на умысел и неосторожность, а также элементы ценностей и волевой природы. В данном определении вины главным критерием является оценка субъективного отношения именно к конкретным действиям и их результатам, без дополнительного анализа ценностных ориентаций или социальных установок.

Разнообразные сочетания сознательного и волевого компонентов, предусмотренные уголовно – правовыми нормами, формируют различные формы проявления вины. В связи с этим интеллект и воля рассматриваются в доктрине как ключевые элементы, совокупность которых составляет внутреннюю структуру вины.

При этом предметное содержание вины, понимаемое как совокупность юридически значимых обстоятельств, по отношению к которым у субъекта складывается определенное психическое отношение, напрямую зависит от специфики конструкции состава соответствующего уголовного правонарушения.

В статье 19 Уголовного Кодекса Республики Казахстан закреплён принцип ответственности за вину: без установления вины уголовная ответственность наступить не может. Это означает, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только в том случае, если его действия были осознанными и

направленными на совершение правонарушения или сопровождались преступной неосторожностью [11].

В уголовном праве выделяют две формы вины: умысел, т.е. «уголовное правонарушение, совершенное умышленно, признается деяние, совершенное с прямым и косвенным умыслом» [11] неосторожность, т.е. «уголовное правонарушение, совершенное по неосторожности, признается деяние, совершенное по самонадеянности и небрежности» [11], которые различаются по психологическому отношению субъекта к своим действиям (ст. 20, 21 УК), а также предусмотрена ответственность за уголовные правонарушения, совершенные с двумя формами вины (ст. 22 УК), т.е. «если в результате совершения умышленного уголовного правонарушения причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случаях, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или если лицо не предвидело, но должно и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое уголовное правонарушение признается совершенным умышленно» [11].

Практическое значение деления вины на формы заключается в том, что наряду с другими признаками состава уголовного правонарушения при помощи форм вины законодатель и правосудие дифференцируют все уголовные правонарушения, выделяя среди них более тяжкие и менее тяжкие. Форма вины также способствует отграничению виновных деяний от невиновных.

В действующем уголовном законодательстве Республики Казахстан формы вины конкретизируются путем их разграничения на отдельные разновидности: умысел, в свою очередь, подразделяется на прямой и косвенный, неосторожность дифференцируется на легкомыслие и небрежность.

Субъективная сторона состава правонарушения, кроме обязательного признака – вины, включает в себя мотив и цель совершения правонарушения, относящиеся к факультативным признакам [7, с. 96].

Теоретически мотив правонарушений определяется как «непосредственная внутренняя побудительная причина» противоправного деяния. Мотив – это психологическая сила, которая побуждает человека к активности, осознанно или неосознанно вызывая решимость совершить правонарушение.

Словарь основных юридических терминов и понятий определяет мотив правонарушения как непосредственную внутреннюю побудительную причину преступного деяния индивида (корысть, месть, ревность), которая вызывает его активность, направляет и стимулирует противоправное действие или бездействие [12, с. 64].

Мотив относится к факультативным признакам субъективной стороны правонарушения, т.к. кодекс не устанавливает обязательных мотивов, за

исключением случаев, когда мотив прямо включен в диспозицию статьи Особенной части.

Таким примером может послужить диспозиция статьи 138 УК РК «Разглашение тайны усыновления (удочерения)» следующего содержания «Разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или низменных побуждений», таким образом, необходимость установления мотива для наличия состава правонарушения возникает в том случае, когда разглашение осуществлялось лицом не обязанным хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну, а иным лицом, разгласившим тайну усыновления (удочерения) в корыстных или низменных целях.

При отсутствии данного мотива действия иного лица не образуют состав данного уголовного правонарушения.

Цель совершения правонарушения выражает предполагаемый субъектом результат, к достижению которого он сознательно стремится посредством осуществления противоправного поведения.

Подобно мотиву, цель квалифицируется в уголовно – правовой доктрине как факультативный элемент субъективной стороны состава правонарушения, а потому приобретает значение обязательного признака лишь в тех случаях, когда это прямо закреплено в диспозиции соответствующей нормы уголовного закона.

В отечественной доктрине уголовного права подчеркивается, что наличие или отсутствие цели может влиять на квалификацию деяния, в случаях, когда цель прямо указана в законе в качестве конструктивного или квалифицирующего признака.

К примеру, ст. 194 УК РК «Вымогательство» требует установления цели – получение чужого имущества или право на него. Аналогично в ст.120 УК РК «Изнасилование», одной из характеристик деяния является цель в получении виновным удовлетворения половой страсти [13].

В практическом аспекте цель оказывает значительное влияние на разграничение смежных составов правонарушений. Так, при определении квалификации между ст. 188 УК РК – кражей и хищением имущества с умыслом обращения в свою пользу, необходимо установить именно целевую направленность на присвоение имущества.

Если действия лица были направлены на временное пользование без намерения обращения, к примеру, в целях поездки, то в данном случае усматриваются признаки состава правонарушения, предусмотренного ст. 200 УК РК – угон.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что институт вины традиционно рассматривается в уголовно – правовой науке как фундаментальное основание уголовной ответственности, органически связанное с реализацией принципов справедливости, гуманизма и законности.

Несмотря на признание института вины краеугольным камнем уголовного права, действующее законодательство Республики Казахстан не содержит нормативно закреплённого определения данного понятия.

В целях преодоления данной правовой неопределённости целесообразным представляется введение в уголовное законодательство дефиниции вины, соответствующей современным научным подходам.

В этой связи предлагается авторская формулировка этого понятия: «Вина – это психическое отношение лица, выражающееся в осознанном восприятии им совершаемого общественно – опасного деяния и волевом отношении к наступлению его общественно опасных последствий, проявляющееся в форме умысла или неосторожности». Данная дефиниция комплексно охватывает как интеллектуальный, так и волевой компоненты вины.

Законодательное закрепление понятия вины способствует укреплению принципа индивидуализации уголовной ответственности. Кроме того, легализация данного определения создаст необходимую методологическую базу для корректной квалификации деяний, обеспечивая их объективную оценку с позиции субъективного отношения виновного к последствиям своих действий.

1.3 Значение вины в уголовном праве зарубежных стран

В уголовном праве **США** и их системе правосудия важную роль играет сделка о признании вины, которая упрощает судопроизводство, исключая необходимость детального судебного разбирательства.

В уголовном праве Казахстана различаются две основные формы вины — умысел и неосторожность. Эти категории разделяются на подвиды, что позволяет более точно дифференцировать степень ответственности преступников и различать тяжесть совершенных преступлений.

Важно, что неосторожность в уголовном праве Казахстана рассматривается как преступная форма поведения, которая предполагает отсутствие намерения причинить вред, но наличие возможности предвидеть последствия своих действий.

Правовая система США различает умышленные и неосторожные правонарушения, но границы этих понятий часто вызывают разногласия. Ключевыми понятиями, описывающими субъективную сторону преступления, являются умысел и неосторожность.

Эти термины отражают внутреннее содержание преступного поведения, но их интерпретация может варьироваться в зависимости от правовой системы.

Проблема вины в праве США часто обсуждается через призму двух элементов: преступное деяние и виновное состояние ума. В то время как преступное действие касается объективной стороны преступления, виновное состояние ума — субъективной.

Этот психологический элемент преступного поведения сложно определить и он включает такие аспекты, как умысел, небрежность, самонадеянность и другие формы вины [14].

В уголовно – правовой системе **Германии**, как и в Республике Казахстан, действующее законодательство не содержит определения вины, но также подразделяется на умышленную форму, подразделяющуюся на прямой и косвенный, и неосторожную форму, подразделяющуюся на самонадеянность и небрежность.

«Аспект вины определяется как упречность. Упрек выносит суд в адрес виновного в каждом конкретном случае, определяя, осознавало ли лицо противоправность своего поведения, точнее говоря, должно ли было осознавать, что оно действует противоправно» [15, с. 387].

В §11 УК преднамеренным (умышленным) является деяние лица, совершившее уголовно наказуемое деяние и действовавшего намеренно, а в отношении наступивших последствий допускает небрежность относительно их наступления.

В отличие от уголовного законодательства Казахстана, в котором ключевое значение при определении вины придается внутреннему психическому восприятию субъектом общественной опасности совершаемого деяния, германская уголовно – правовая система опирается на иной концептуальный подход.

Основным критерием в определении виновности в германском праве выступает не столько осознание потенциального вреда для общества, сколько осознание противоправности собственных действий или бездействия.

Таким образом, в германской доктрине особый акцент делается на юридическую осведомленность субъекта в момент совершения правонарушения, то есть на его способность осознавать, что его поведение противоречит установленным нормам права.

Подобный подход подчеркивает нормативную природу вины и свидетельствует о ее более тесной связи с принципом *culpability* – личной упрекаемости субъекта за правонарушение, поскольку виновность устанавливается на основе не только фактического, но и юридического сознания противоправного характера содеянного.

В условиях правовой системы Республики Казахстан применение критерия осознания противоправности деяния в качестве обязательного элемента вины представляется затруднительным и на практике не всегда реализуемым. Это обусловлено, прежде всего, высокой степенью динамичности уголовного законодательства, которое подвержено частым изменениям, дополнениям и корректировкам.

Особенно отчетливо данная проблема проявляется в сферах, связанных с экономическими правонарушениями, где нормативно – правовая база не отличается стабильностью, а отдельные положения законодательства могут быть неоднозначными или противоречивыми.

В таких условиях от субъекта нередко объективно невозможно требовать осознания противоправности конкретного действия, особенно если оно формально не носит явно общественно опасный характер.

В отличие от очевидных правонарушений против личности или собственности, где интуитивное понимание их запретности возможно даже без специальной юридической подготовки, в случае сложных финансово – правовых регуляций лицо без наличия специального образования, опыта и постоянного мониторинга нормативных актов может и не подозревать о нарушении закона.

Это порождает правовую неопределенность и риск привлечения к уголовной ответственности лиц, действовавших без умысла в условиях правовой неопределенности.

Нормативная конструкция §15 Уголовного кодекса устанавливает принцип наказуемости исключительно умышленных противоправных деяний, за исключением специально оговоренных законодателем случаев, когда уголовная ответственность прямо предусмотрена за деяния, совершенные по неосторожности.

При этом необходимо отметить, что действующее уголовное законодательство не содержит в общей части положений о такой специфической форме вины как самонадеянность (легкомыслие), что создает определенные доктринальные сложности в квалификации.

Однако анализ норм Особенной части УК демонстрирует наличие отдельных составов правонарушений, где данный психический критерий все же находит свое отражение.

Примером выступает ст. 178 УК Германии «Сексуальное принуждение и изнасилование, повлекшее смерть потерпевшей», где законодатель предусмотрел особый квалифицирующий признак.

Согласно диспозиции данной нормы, если в результате совершения акта сексуального принуждения или изнасилования виновное лицо, действуя с признаками легкомыслия, т.е. предвидя возможность наступления смертельного исхода, но безосновательно рассчитывая на его предотвращение, фактически причиняет смерть потерпевшему, то санкция статьи предусматривает применение исключительно строго наказания в виде пожизненного лишения свободы или с установлением минимального срока отбывания наказания, составляющего десять лет [16].

Как и в отечественной правовой системе, **Французское** уголовное законодательство не содержит определения понятия вины, а лишь формируется посредством комплексного толкования многочисленных источников уголовного права, включая нормативные акты, судебные прецеденты и доктринальные исследования правоведов.

В доктринальном понимании французского уголовного права вина представляет собой сложный психолого – правовой феномен, предполагающий обязательное наличие у субъекта правонарушения двух ключевых элементов:

сознания – т.е. осознание характера совершаемых действий и воли – т.е. способности направлять свои действия.

В системе французского уголовного права традиционно выделяют три основные формы вины: умышленная вина (преступный умысел), неумышленная (неосторожная) вина и презюмируемая вина или вина при нарушениях [17].

Французская уголовно – правовая доктрина подразделяет умышленную форму вины на:

- **предумысел** – согласно статье 132-72 УК Франции понимается как заранее сформированное намерение совершить правонарушение или проступок. Данное обстоятельство рассматривается в качестве отягчающего при квалификации правонарушения;

- **специальный умысел** – предполагает совершение правонарушения с определенной заранее установленной целью, имеющей значение для квалификации деяния;

- **неопределенный умысел** при котором лицо стремится нанести вред другому лицу, обществу или государству в целом, не придавая значения конкретным последствиям либо степени их тяжести [17].

Особый интерес представляет презюмируемая вина, при которой вина правонарушителя не требует специального доказывания. Наиболее характерным примером является ответственность за нарушения правил дорожного движения, где вина водителя презюмируется, за исключением случаев, когда будет доказано наличие непреодолимой силы или действие третьих лиц [17].

Также законодательство Франции предусматривает и форму неумышленной вины, которая отличается тем, что субъект действует сознательно, но при этом не предвидит наступления опасных последствий своих действий, хотя по обстоятельствам дела обязан был и мог их предвидеть [17].

В рамках правовой системы **Английского** общего права состав любого преступного деяния включает в себя два неразрывно взаимосвязанных элемента: *actus reus* и *mens rea* [18].

Первый из них - *actus reus* – характеризует объективную сторону противоправного поведения и охватывает такие аспекты, как само действие, его последствия, причинно – следственная связь между ними, а также внешние обстоятельства, имеющие значение для квалификации содеянного.

Второй элемент - *mens rea* – представляет собой субъективную сторону правонарушения, отражающую внутреннее психическое отношение лица к совершаемому деянию, его последствиям и правонарушающему характеру поведения в целом.

Фундаментальное значение понятия *mens rea* находит свое выражение в широко известном латинском правовом афоризме «*actus non facit reus nisi mens sit rea*», что в переводе означает «действие не делает лицо виновным, если оно не сопровождалось виновным умыслом» [18].

Исходя из теоретико – практической трактовки *mens rea*, в английском уголовном праве различают несколько форм субъективного отношения к деянию, в том числе: намерение, неосторожность и небрежность [18].

Наиболее тяжкая форма – намерение (умысел) – встречается прежде всего в составах тяжких правонарушений, таких как убийство при отягчающих обстоятельствах.

Данная форма характеризуется либо наличием у лица сознательного стремления к достижению преступного результата, либо четким осознанием неизбежности наступления вредных последствий в результате его действий, при сохранении намерения их допустить или согласии с их наступлением.

Неосторожность, с точки зрения английского уголовного права, проявляется в предвидении лицом вероятности наступления опасных последствий своего поведения, однако при отсутствии стремления к их наступлению.

Такая форма виновности охватывает случаи, когда лицо сознательно игнорирует возможные риски, связанные с его действиями.

Небрежность, как менее тяжкая форма, определяется через отклонение от модели поведения разумного человека. Она имеет место, когда лицо, действуя в ситуации, требующей повышенного внимания или соблюдения определенных правил (например, техники безопасности), проявляет халатность или недостаточную осторожность.

При этом, если допущенная небрежность носит ярко выраженный характер – то есть значительно отклоняется от поведения гипотетического благоразумного субъекта – она квалифицируется как грубая небрежность. В таком случае субъект должен был и мог предвидеть наступление вредных последствий, но тем не менее пренебрег минимальными мерами предосторожности.

Стоит отметить, что в английской уголовной системе права существует и так называемая строгая (объективная) ответственность. К ним относится категория деяний, за совершение которых лицо может быть привлечено к уголовной ответственности вне зависимости от наличия или отсутствия у него *mens rea*, т.е. без необходимости доказывания субъективной стороны правонарушения [18].

К таким примерам относятся неоднократно совершаемые действия, доставляющие неудобства обществу, такие как неуважение к суду, создание препятствий или помех на дороге и т.п.

В системе уголовного права **Японии** категория вины трактуется как неотъемлемый элемент состава правонарушения, определяющий субъективное отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям.

При этом, в действующем уголовном законодательстве Японии отсутствует определение самого понятия вины. Вместо этого, законодатель ограничился разграничением ее форм, к которым отнесены умысел, неосторожность, а также ошибочное поведение, при котором деяние

совершается без осознания противоправности или общественной опасности, однако при наличии прямого указания закона может признаваться наказуемым.

Следует отметить, что в соответствии с уголовно – правовыми положениями Японии, если виновное лицо не предвидело возможности наступления более тяжких последствий и такое предвидение не могло быть ему вменено, то оно не подлежит ответственности в пределах более тяжкого состава правонарушения.

Таким образом, законодатель четко разграничивает пределы уголовной ответственности на основании психического отношения субъекта к последствиям своего деяния.

Несмотря на строгость японского законодательства, незнание закона не является основанием для освобождения от уголовной ответственности. Однако, принимая во внимание индивидуальные особенности дела и конкретные обстоятельства правонарушения, судебные органы могут применить меры снижения наказания, руководствуясь принципам справедливости и гуманизма.

С точки зрения доктринального подхода, вина в уголовном праве Японии анализируется как один из обязательных компонентов субъективной стороны состава правонарушения. Японские уголовно – правовые исследования рассматривают умысел в широком значении, включая в себя осознание противоправности действий и целенаправленное поведение, направленное на достижение конкретного результата.

Прямой умысел определяется как сознательное стремление субъекта к совершению противоправного деяния, при котором лицо ясно осознает характер своих действий и желает их наступления. В отличие от него, косвенный умысел включает в себя ситуацию, когда субъект осознает противоправность совершаемых действий, однако не ставит перед собой цели наступления конкретных вредных последствий, тем не менее, сознательно допускает их возможность или относится к ним безразлично.

Неосторожность как форма вины трактуется через поведение субъекта, характеризующееся отсутствием должного внимания и осмотрительности, при котором лицо не предвидело возможность наступления противоправных последствий, хотя при должной внимательности могло и должно было их предвидеть. В случаях бездействия либо ненадлежащего выполнения определенных обязанностей, неосторожность может выражаться в форме невнимания, являющегося следствием нарушений требований разумного и осмотрительного поведения [15, с. 453].

Уголовно – правовая система **Китая** исходит из признания вины как обязательного субъективного элемента состава правонарушения, фиксируя ее нормативное содержание в положениях действующего Уголовного кодекса КНР. При этом, китайское уголовное законодательство выделяет две основные формы вины – умысел и неосторожность, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на отдельные разновидности [17].

Эти категории, несмотря на различие в терминологии, в значительной степени коррелируют с формами вины, закрепленными в уголовном праве Республики Казахстан.

Так, согласно китайскому уголовному законодательству, правонарушение признается совершенным умышленно в случае, если субъект осознает общественно опасный характер своего деяния или бездействия, а также возможные последствия таких действий, при этом либо прямо стремится к их наступлению, либо сознательно допускает их наступление, не препятствуя им. Данное определение включает в себя как прямой умысел (при наличии активного стремления к наступлению последствий), так и косвенный умысел (когда последствия допускаются как возможные и не отвергаются субъектом) [17].

Противоположной формой вины признается неосторожность, которая в соответствии с Уголовным кодексом КНР, имеет место тогда, когда лицо, совершая общественно опасное деяние, не предвидело его вредных последствий, хотя должно было и могло их предвидеть, либо предвидело, но самонадеянно полагалось на их предотвращение.

Таким образом, законодатель разграничивает небрежность, обусловленную неспособностью предвидеть и самонадеянность (легкомыслие), проявляющееся в неосновательном уповании на предотвращение последствий, несмотря на их предвидение [17].

Это разграничение форм вины в китайском уголовном праве является важной методологической основой для индивидуализации уголовной ответственности, а также соответствует общепринятым в мировой уголовно – правовой науке подходам.

На основании изучения уголовно – правовых систем ряда зарубежных стран можно обоснованно утверждать, что институт вины повсеместно рассматривается как базовый, системообразующий элемент состава уголовного наказуемого деяния.

Независимо от специфики национального законодательства, именно наличие вины выступает ключевым критерием привлечения лица к уголовной ответственности. При этом формы вины, умысел и неосторожность, и их внутренние модификации применяются как средство тонкой юридической оценки психического отношения лица к содеянному и наступившим последствиям.

Таким образом можно констатировать, что международная уголовно – правовая практика формирует устойчивое понимание вины как субъективной категории, непосредственно влияющей на квалификацию правонарушений и индивидуализацию наказания.

2. Формы вины и их роль в определении квалификации правонарушения

2.1 Характеристики признаков, образующих умысел

В Уголовном кодексе Республики Казахстан в ч. 2 ст. 20 УК РК определены основные критерии правонарушений, совершенных с прямым умыслом: уголовное правонарушение признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность общественно опасных последствий и желало их наступления [11].

Часть 3 статьи 20 УК РК содержит определение косвенной формы вины: уголовное правонарушение признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично [11].

Умышленная форма вины представляет собой наиболее общественно опасную разновидность субъективного отношения лица к совершаемому деянию, выражающуюся в осознанном нарушении установленных норм и проявляющую явное пренебрежение к охраняемым уголовным законом общественным ценностям.

Действующий Уголовный кодекс Республики Казахстан преимущественно ориентирован на привлечение к ответственности именно за умышленные правонарушения, в то время как число составов правонарушений, предусматривающих уголовную ответственность за неосторожные деяния, сравнительно ограничено.

Так, к примеру 4/5 всех уголовных правонарушений, предусмотренных особенной частью УК, могут быть совершены лишь при наличии умышленной вины и 1/5 при наличии только неосторожной вины [10, с. 69].

Такая законодательная конструкция обусловлена повышенной степенью общественной опасности умышленных деяний и более выраженным негативным отношением виновного к нормам права и общественному порядку.

В теории уголовного права содержится два элемента вины – это сознание и воля. В умышленной форме вины сознание и воля выражаются:

- 1) в осознании лицом общественной опасности, предвидение возможности или неизбежности общественно опасных последствий;
- 2) в желании наступления этих опасных последствий или безразличное к ним отношение.

Первый элемент умысла, включающий осознание общественной опасности своих действий или бездействия и предвидение общественно опасных последствий относится к интеллектуальной сфере психики виновного [8, с.169].

Осознание общественной опасности совершаемого деяния традиционно рассматривается в теории уголовного права как один из основополагающих элементов умысла.

Данный компонент субъективной стороны правонарушения выражает внутреннюю оценку субъектом противоправного поведения как деяния, выходящего за рамки допустимого и способного причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Речь идет не просто о фактическом осмыслении последствий, но и о наличии внутренней установки, направленной на осознание социального вреда как вероятного или неизбежного результата действий.

Как отмечает Кораблева С.Ю. «Указанный элемент умысла раскрывается через наличие двух тесно взаимосвязанных и взаимодополняющих характеристик: объективной и субъективной» [19, с. 67].

Во первых, объективная сторона осознания общественной опасности выражается в фактическом проявлении девиантного поведения, т.е. отклоняющегося от норм, требований и запретов, установленных уголовно – правовыми нормами.

Подобное поведение объективно посягает на определенные социальные ценности и создает реальную угрозу их нарушению, даже если вред не наступает в конкретной ситуации [19, с. 67].

Во вторых, субъективный аспект осознания проявляется в том, что лицо воспринимает и интеллектуально осмысляет обстоятельства совершаемого им деяния как противоправное. Субъект понимает не только фактическую сторону своего поведения, но и его отклонение от правовых и нравственных норм, т.е. от общепринятых общественно – полезных стандартов поведения [19, с. 67].

В отсутствии одного из этих признаков правовая оценка умысла существенно меняется. Так, если поведение лица объективно не представляет общественной опасности, но воспринимается им как таковое, это может свидетельствовать о покушении с негодными средствами.

Напротив, при отсутствии субъективного восприятия общественной опасности со стороны лица при наличии объективного вреда возникает вопрос о возможности квалификации содеянного как деяния, совершенного без вины, например, в силу добросовестного заблуждения либо невменяемости.

Представляется необоснованным утверждение о том, что наличие осознания общественной опасности не требует специального доказывания в уголовном процессе.

Подобная позиция нередко аргументируется тем, что любое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, обладает способностью различать социально приемлемое поведение и действия, наносящие вред обществу [19, с. 67].

Например, лицо, нанесшее вред здоровью другому человеку при оказании первой медицинской помощи не несет уголовную ответственность за

умышленное причинение вреда, если его действия были направлены на спасение жизни пострадавшего, даже если методы оказались ошибочными.

Предвидение общественно опасных последствий предполагает понимание виновным возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий [8, с.169].

Согласно ст. 20 УК РК его содержание зависит от вида умысла: «при прямом умысле лицо предвидит возможность или неизбежность общественно опасных последствий, при косвенном – только возможность» [11].

Этот признак требует установления, если деяние запрещено статьей Особенной части УК РК, сформулированной как материальный состав или если оно повлекло более тяжкие последствия, предусмотренные как отягчающий признак, к примеру, причинение тяжких телесных повреждений, повлекшие смерть.

Следует подчеркнуть, что степень точности предвидения возможных последствий противоправного деяния находится в прямой зависимости от индивидуальных характеристик субъекта.

К числу таких характеристик, в частности, относятся уровень интеллектуального развития, способность к логическому анализу происходящего, наличие интуитивного мышления, а также текущее психоэмоциональное состояние лица в момент совершения деяния.

Даже если рассматривать предвидение в рамках правовой доктрины как форму мысленного установления потенциальной причинно – следственной связи между действием и результатом, оно по своей природе сохраняет вероятностный, а не абсолютный характер, что означает, что предвидение всегда основывается на субъективной оценке конкретной ситуации и не может гарантировать полную достоверность прогноза относительно наступления определенных последствий.

Таким образом, предвидение при умысле предполагает, что лицо не только может предвидеть последствия, но и действует в соответствии с ними. Связь между предвидением и осознанием очевидна.

Второй элемент умысла – желание (при прямом умысле) или сознательное допущение (при косвенном) – считается волевым [8, с. 169-170].

Однако утверждения, что желание – это «воля, мобилизованная на достижение цели» или что воля «желание, осуществляемое в действии» вызывают сомнения. Современная психология рассматривает поведение как изначально активное.

Воля понимается как сознательное регулирование поведения, выраженное в преодолении трудностей. Желание связано со стремлением к цели, но не всегда приводит к действию. Оно проходит через систему ценностей человека, получает эмоциональную окраску и становится мотивом [19, с. 69-70].

Желание и сознательное допущение являются частью внутренней работы сознания, связанной с выбором и оценкой, а не с непосредственным исполнением. Безразличное отношение к последствиям вызывает вопросы, так

как оно не является характеристикой воли, а скорее свидетельствует о незаинтересованности в результате.

Приведенные выше определения позволяют сделать выводы, что у прямого и косвенного умысла имеются два схожих, взаимосвязанных интеллектуальных элемента.

Во-первых, как при наличии прямого, так и косвенного умысла субъект осознает характер совершаемых им деяний, понимает, что его действия (бездействия) обладают общественно опасным содержанием, т.е. направлены на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам. Это осознание включает в себя как понимание фактической стороны деяния, так и его противоправной сущности.

Во-вторых, в обеих формах умысла прослеживается наличие способности лица к предвидению наступления неблагоприятных последствий, являющихся результатом данного деяния.

Предвидение как признак выступает в качестве ментальной способности индивида прогнозировать развитие причинно – следственной связи между своими действиями и потенциальным ущербом.

И основным их различием выступает волевой компонент, характеризующийся отношением лица к наступлению общественно опасных последствий, где при прямом умысле лицо желает наступления общественно опасных последствий, а при косвенном умысле лицо не желает, но сознательно допускает наступление этих последствий, либо относится к ним безразлично.

Именно по этому волевому компоненту в судебной практике различают прямой и косвенный умысел.

В теории уголовно права разграничение прямого и косвенного умысла представляет собой значимое методологическое средство, позволяющее более точно дифференцировать формы вины в зависимости от особенностей субъективного отношения лица к совершаемому деянию и его последствиям.

Кроме того, покушение на правонарушение возможно исключительно при наличии прямого умысла, поскольку сам факт совершения деяния свидетельствует о целенаправленности действий виновного. Данное правило является производным от основного принципа, применимого в случаях неоконченного правонарушения.

Таким образом, в умышленной вине ключевую роль играет осознание. Осознание общественной опасности, предвидение и желание (или сознательное допущение) формируют содержание умысла. Указание на безразличное отношение размывает границы между косвенным умыслом и неосторожностью.

При изучении юридической природы покушения на преступное деяние, охватываемое формальным составом правонарушения, необходимо отметить, что такое покушение по своей сути может быть квалифицировано исключительно как оконченное [7, с. 135].

Это обусловлено тем, что в структуре формального состава объективная сторона охватывает не последствия, а лишь само деяние и, соответственно,

момент окончания правонарушения связывается с фактом совершения предусмотренного действия либо бездействия, независимо от наступления какого-либо результата и в таком случае, отпадает необходимость в установлении исключительно прямой формы умысла, поскольку момент завершенности противоправного поведения не сопряжен с наступлением общественно опасных последствий, а значит, интеллектуально – волевой аспект вины приобретает второстепенное значение в доказывании состава.

В правоприменительной практике в правонарушениях с формальным составом установление и правовая оценка наступивших последствий приобретают значимость преимущественно в тех случаях, когда данные последствия прямо предусмотрены в качестве квалифицирующих признаков Особенной части Уголовного кодекса либо признаются в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность.

Установление формы вины применительно к указанным квалифицирующим последствиям играет ключевую роль в разрешении вопроса о наличии либо отсутствии совокупности правонарушений, что в свою очередь позволяет определить следует ли рассматривать наступившие последствия как выходящие за пределы основного состава деяния либо они полностью охватываются первоначальной правовой квалификацией.

Примером может послужить разбой, сопряженного с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, в результате чего наступила смерть потерпевшего. В данном случае образуется идеальная совокупность правонарушений.

Вместе с тем, в случаях, когда тяжкий вред причиняется по неосторожности, он может быть охвачен составом основного правонарушения без необходимости дополнительной квалификации.

Отсутствие в законодательстве прямых указаний на форму вины в отношении квалифицирующих признаков, характеризующих последствия, создает сложности в правоприменительной практике.

В таких случаях используется сложный алгоритм квалификации, заключающийся в следующем: при отсутствии в диспозиции уголовно-правовой нормы прямого указания на неосторожное отношение к квалифицирующему последствию, причинение этого последствия с умыслом (а тем более по неосторожности) полностью охватывается данной нормой и не требует дополнительной квалификации, за исключением случаев, когда уголовный закон предусматривает более строгое наказание за умышленное причинение аналогичного последствия.

Что касается установления формы умысла в отношении дополнительных тяжких последствий, то это может представлять теоретический интерес, но на квалификацию деяния, как правило, не влияет.

Например, при правонарушениях, связанных с заражением венерическими заболеваниями, квалифицирующее значение имеет факт осознания виновным наличия у него заболевания, передающегося преимущественно половым путем,

тогда как форма умысла по отношению к факту заражения не является определяющим критерием квалификации.

Формулировка иныхотягчающих признаков, не относящихся к дополнительным тяжким последствиям, предполагает либо их наличие уже на стадии совершения деяния (например, совершение правонарушения в особо крупном размере, с применением насилия и т.п.), либо их включение в цель преступного поведения.

В связи с этим следует согласиться с позицией, согласно которой осознание субъектом всех объективных признаков правонарушения, за исключением его последствий, представляет собой интеллектуальный процесс, не относящийся к умышленной или неосторожной форме вины.

Таким образом, необходимость доказывания формы умысла имеет практическое значение лишь в отношении правонарушений, объективная сторона которых сконструирована по типу материальных составов, поскольку только к таким правонарушениям применимы правила о покушении исключительно с прямым умыслом и о зависимости уголовной ответственности от формы вины.

При анализе статей особенной части УК РК, содержащих материальные составы правонарушений, можно заметить, что данные правила актуальны преимущественно для правонарушений против жизни и здоровья (например, убийство, причинение вреда здоровью различной степени тяжести), а также для хищений и отдельных составов правонарушений, специальных по отношению к ним (например, хищение наркотических средств).

Однако даже в этих случаях правило о квалификации правонарушения в зависимости от формы умысла не является универсальным, поскольку хищения, например, всегда совершаются с прямым умыслом, что исключает применение принципа дифференциации ответственности по фактически наступившим последствиям.

В большинстве других составов правонарушений материального характера отсутствие наступивших последствий исключает уголовную ответственность, поскольку разграничение преступного и не преступного поведения в этих случаях осуществляется именно по признаку наличия или отсутствия соответствующих последствий.

Теоретически преступные деяния могут проходить через стадии приготовления и покушения, однако в ряде случаев доказать эти стадии представляется затруднительным.

Например, в случае покушения на злоупотребление должностными полномочиями установление факта покушения осложнено отсутствием материального критерия завершенности правонарушения.

Если последствия, предусмотренные санкцией соответствующей статьи, наступили, лицо подлежит уголовной ответственности за фактически причиненный вред. В противном случае деяние квалифицируется как

дисциплинарный проступок, даже если субъект осознавал и намеревался причинить вред.

В итоге практическая значимость разграничения прямого и косвенного умысла проявляется в ограниченном числе правонарушений, преимущественно относящихся к преступлениям против жизни, здоровья и собственности.

Помимо деления умысла на виды, в зависимости от особенности их психологического содержания, в теории и практике уголовного права известны и иные классификации видов умысла.

Так, по времени возникновения преступного намерения умысел подразделяется на заранее обдуманый и внезапно возникший [20, с. 112].

Заранее обдуманый умысел как форма виновности обладает специфическими характеристиками, отличающими его от внезапно возникшего умысла. Основной отличительной чертой внезапно возникшего умысла является такой фактор, как наличие временного промежутка между моментом формирования преступного намерения и его фактической реализацией [20, с. 112].

В доктрине уголовного права традиционно утверждается, что заранее обдуманый умысел представляет повышенную опасность по сравнению с внезапно возникшим.

Однако такой подход к определению не является верным, т.к. временной разрыв между возникновением преступного намерения и его реализацией не может рассматриваться как обстоятельство, безусловно повышающий степень общественной опасности деяния.

Данный аспект формирования умысла носит во многом случайный характер и не всегда коррелирует с уровнем опасности преступления или криминальной направленностью личности виновного.

Более значимыми для оценки общественной опасности представляются другие психические факторы, такие как нерешительность, колебания, обусловившие этот временной разрыв в реализации задуманного. В случаях, когда отсрочка исполнения правонарушения вызвана внутренними колебаниями субъекта, заранее обдуманый умысел действительно может не превышать по степени опасности внезапно возникший [20, с. 112].

Однако принципиально другую криминологическую оценку должно приобрести деяние, когда временной промежуток между формированием и реализацией умысла используется преступников для тщательной подготовки преступного замысла, разработки изощренных способов совершения и сокрытия правонарушения или обеспечением собственной безопасности и т.п.

В таких случаях заранее обдуманый умысел существенно повышает опасность правонарушения и личности виновного [20, с. 112].

В уголовно – правовой доктрине под особым коварством как квалифицирующим признаком понимается использование виновным особых методов совершения правонарушения, характеризующихся преднамеренным использованием уязвимого положения потерпевшего, созданием искусственных

обстоятельств, исключаяющих его причастность и затрудняющих раскрытие преступного деяния, вовлечение третьих лиц, не осознающих преступного характера своих действий.

Проявления особого коварства могут выражаться в различных формах: эксплуатация доверчивости, неопытности или беспомощного состояния лица, например, завлечение в заранее подготовленное место преступления под благовидным предлогом, фабрикация ложных доказательств, направленных на обвинение другого лица и т.д.

В системе уголовного права внезапно возникший умысел представляет собой форму вины, характеризующуюся минимальным временным промежутком между возникновением преступного намерения и его фактической реализацией.

Данный вид умысла также подразделяется на две разновидности простой внезапно возникший умысел и аффектированный, различающийся психическим способом образования [20, с. 113].

Простой внезапно возникший умысел формируется в условиях нормального психического состояния субъекта и отличается непосредственной реализацией преступного намерения, возникает как реакция на конкретную ситуацию или внешний провоцирующий фактор, характерен для лиц с устойчивой антисоциальной направленностью [20, с. 113].

В свою очередь аффектированный умысел возникает в состоянии сильного душевного волнения, зачастую обусловлен противоправным и аморальным поведением самого потерпевшего, характеризуется сниженной способностью к осознанию своих действий и отличается ограниченной временной продолжительностью [20, с. 113].

Аффектированный умысел обусловлен такими ключевыми факторами, как провоцирующее поведение потерпевшего, проявляемых в единичных противоправных или аморальных воздействиях либо систематическом психотравмирующем воздействии, особо непристойных формах противоправного поведения.

На этом фоне психологическое состояние виновного характеризуется внезапно возникшим сильным душевным волнением, существенным снижением когнитивного контроля, ограничением волевой регуляции поведения и доминированием эмоциональных процессов над рациональными.

Кроме того, умысел подразделяется на другие подвиды: определенный (конкретизированный) и неопределенный (неконкретизированный) [20, с. 113]. Умысел считается простым определенным, если субъект ясно осознает конкретный, индивидуально определенный результат своего противоправного деяния [20, с. 113].

Этот вид умысла выступает ключевым критерием квалификации правонарушения в случаях субъективной ошибки, недоведения преступного деяния до конца, а также в иных ситуациях, когда содеянное оценивается не по фактически наступившим последствиям, а исходя из представлений виновного.

К примеру, лицо подлежит привлечению к ответственности за совершение кражи, а не за грабеж, квалифицирующим признаком которого является открытое хищение, несмотря на то, что за его действиями наблюдали посторонние лица, но сам субъект этого не осознавал. И наоборот, в случае если виновный намеревался причинить смерть, но по независящим от него обстоятельствам причинил средний тяжести вред здоровью потерпевшему, в таком случае деяние следует квалифицировать как покушение на убийство.

Неопределенный (неконкретизированный) умысел характеризуется тем, что виновный имеет лишь общее представление об объективных свойствах своего деяния, осознавая его видовые признаки, но не конкретные последствия [20, с. 113].

Например, нанося сильные удары по голове, груди и животу потерпевшего, субъект предвидит причинение вреда здоровью, но не может определить ее точную степень. В таких случаях правонарушение квалифицируется исходя из фактически наступивших последствий.

Отдельные ученые предлагали квалифицировать правонарушение, совершенные с неконкретизированным умыслом по наиболее тяжелым объективно возможным и отражавшимися в сознании субъекта последствиям, но эта точка зрения не получила поддержки в науке, поскольку его сущность как раз и состоит в том, что никакие, в частности «наиболее тяжелые» из объективно возможных, в конкретной форме не отражаются в сознании субъекта [21, с. 87].

В отношении правонарушений, сконструированных по типу формальных составов проблемы определения вины сегодня еще остаются актуальными.

Формальный состав правонарушения - это состав, который считается оконченным с момента совершения умышленных действий (бездействия) [20, с. 59]. В таких составах правонарушений наступление общественно опасных последствий не является обязательным признаком.

Согласно общепринятой позиции, в правонарушениях с формальным составом возможен лишь прямой умысел, интеллектуальное содержание которого состоит в осознании общественной опасности деяния, а волевое – в желании совершить это деяние [20, с. 59].

Таким образом, проблема определения вины в некоторых формальных составах правонарушения заключается в отсутствии одного из интеллектуального элемента вины – предвидения возможности или неизбежности общественно опасных последствий, что противоречит содержанию умысла, закрепленного в ч. 2 ст. 20 УК РК [11].

Кроме того, стоит отметить, что в качестве обязательного критерия умысла установлено волевое отношение именно к последствиям деяния, волевое отношение к самому деянию, таким образом для определения умысла определяется законом нерелевантным [22].

Аналогичного мнения придерживается Н.Е. Крылова «подход, при котором интеллектуально-волевое содержание вины в формальных составах направлено исключительно на действие (бездействие) – урезанной

психологической характеристикой деяния, не имеющей юридических оснований» [23].

В связи с этим, в доктрине существует мнение, что «элемент желания не только последствий, но и самого деяния необходимо внести в действующую структуру умысла, ориентированную исключительно на правонарушения с материальным составом» [24].

Согласно мнению В.Ф. Щепелькову «речь идет о новой формуле умысла, в соответствии с которой волевой момент определяется не только как психическое отношение виновного к последствиям, но и к действию (бездействию) и применима не только к правонарушениям с формальным составом, но и материальным» [25].

К примеру, рассмотрим субъективную сторону статьи 115 УК РК – угрозы, диспозиция которой предусматривает ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а равно иным тяжким насилием над личностью либо уничтожением имущества поджогом, взрывом или иным общеопасным способом, при наличии достаточных оснований опасаться приведения этой угрозы в исполнение [11].

Угроза содержит только один из двух интеллектуальных элементов умысла – осознание, выраженное в осознании субъектом отклонения своего поведения от общепринятого.

Второй интеллектуальный элемент прямого умысла это предвидение общественно опасных последствий совершаемого деяния.

В данном случае, общественно опасные последствия, выраженные в возникновении у потерпевшего чувства страха, тревоги, волнения и испуга, вследствие ожидания реализации данной угрозы субъект как правило в большинстве случаев не предвидит, если эти случаи не были неоднократными и не сопровождалась демонстрацией или применением предметов опасных для жизни и здоровья (холодное оружие, огнестрельное оружие и другие травмирующие предметы), неоднократно повторяющихся устрашающих жестов или выраженной в иной, кроме устной, форме.

И.С. Борчашвили комментирует «Вместе с тем не важно, намеревался ли виновный фактически осуществить высказанную угрозу в будущем, достаточно, чтобы так считала предполагаемая жертва [13, с. 51].

Аналогичный субъективный подход разделяют Л. Крахмальник и И. Ной которые полагают, что «если угроза убийством воспринята потерпевшим как угроза его жизни и нарушила его спокойствие, то общественно опасный ее характер образует преступление» [26].

Виновность субъекта заключается в том, что он осознает, что своими действиями выражает угрозу и желает совершить эти действия. Важно отметить, что в данном контексте ключевым является именно выражение угрозы, а не ее фактическая реализация.

Анализ статистических данных КПС и СУ ГП РК за последние 5 лет с 2020 по 2024 гг. [таблица 1] указывает на динамику снижения регистрации фактов

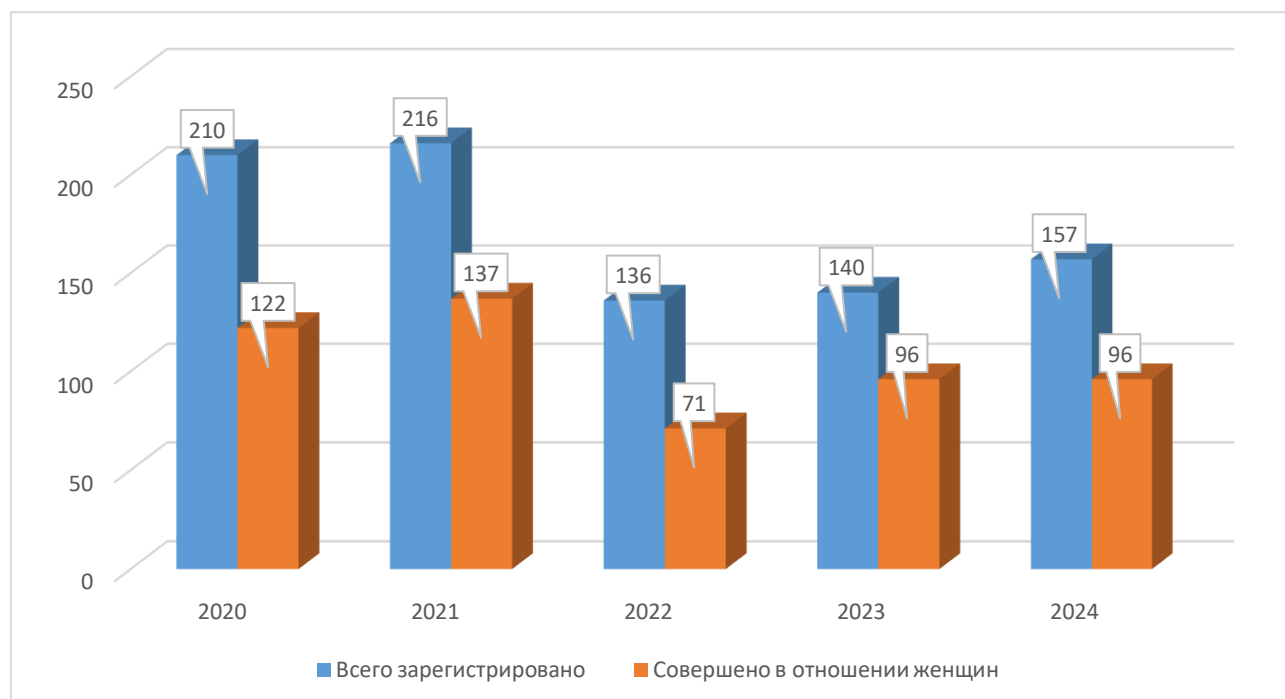
угроз. Вместе с тем, количество оконченных производством уголовных дел не достигает и половины из числа зарегистрированных. Это говорит о наличии проблемных аспектов при определении вины в правоприменительной практике [27].

Таблица 1 - Сведения по ст. 115 УК РК в период 2020-2024 гг. (Форма отчета № 1-М, Форма №1) [28].

Период	Зарегистрировано	Прекращено по реаб/осн (сняты с учета)	Окончено	Направлено в суд	Осуждено
2020	210	1033	85	28	4
2021	216	806	65	15	5
2022	136	558	58	22	6
2023	140	490	45	19	3
2024	157	439	61	20	10

Анализ сведений по потерпевшим лицам показал, что в качестве жертвы выступают, как правило, женщины [диаграмма 1].

Диаграмма 1. Сведения по зарегистрированным фактам угроз и потерпевшим лицам [28].

Анализ вышеприведенной статистики подтверждает, что угрозы совершаются в большинстве своем в семейно – бытовой сфере и при таких обстоятельствах определить вину субъекта и реальный умысел сложно [27].

Зачастую, при рассмотрении обращений по фактам семейно – бытовых конфликтов, потерпевшей женщиной заявляется факт угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью со стороны близкого родственника, супруга либо иного совместно проживающего лица [27].

Стоит отметить, что в правоприменительной практике сложилось правило, что угроза приобретает противоправный характер только тогда, когда выходит за рамки лишь словесных выражений и находит свое материальное воплощение в виде сопровождающих ее признаков, выраженных либо в письменной форме, либо демонстрации оружия или иных опасных для жизни предметов.

В иных случаях устно выраженная угроза со стороны виновного лица может им трактоваться повышенной эмоциональной возбудимостью, импульсивностью поведения либо нахождением в состоянии алкогольного или иного опьянения в момент семейно – бытового конфликта [27].

На основании вышеизложенного представляется необходимым совершенствование уголовного законодательства в части нормативной конкретизации конструкции умысла, применимой к правонарушениям с формальным составом.

В частности, требуется разработка легальной дефиниции умысла, направленного на само деяние, независимо от последствий, либо формулирование отдельного основания вины, применимого исключительно к формальным составам. Указанные меры позволят устранить правовую неопределенность и обеспечат единообразие правоприменительной практики.

2.2 Характеристики признаков, образующих неосторожность.

Второй формой вины, как было отмечено ранее, является неосторожность. В отличие от умысла, при неосторожной форме вины волевое отношение субъекта не выражается в целенаправленном стремлении к наступлению общественно опасного результата, ни в прямой, ни в косвенной форме.

Уголовное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но без достаточных к тому оснований легкомысленно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя при должной внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть [8, с. 172-173].

В отличие от умышленных уголовных правонарушений в неосторожных уголовных правонарушениях не содержится волевая направленность на достижение тех последствий, которые наступили, т.е. последствия не связаны с целями, устремлениями субъекта уголовного правонарушения.

Общей характерной чертой для умышленных и неосторожных уголовных правонарушений является отрицательное отношение виновного к общеустановленным требованиям.

Нуртаев Р.Т. отмечает «Уголовное правонарушение, совершенное по неосторожности, объясняется в большинстве случаев проявлением беспечности, лени, недисциплинированности, расхлябанности отдельных категорий лиц, их пренебрежительным отношением к требованиям, предъявляемым к ним в

связи с выполнением возложенных на них профессиональных и иных обязанностей и функций; поведением, связанным с беззаботно-невнимательным восприятием и отношением к необходимости бережно и неукоснительно соблюдать системы официально принятых в государстве и обществе ценностных ориентаций и установок, адресованных обеспечению состояния безопасности жизни и здоровья людей, материального благосостояния окружающих; поведением некоторых лиц, связанным в отдельных случаях с принятием на себя функций, которые они не способны осуществить из-за неимения должной квалификации, опыта, образования или соответствующей специальной подготовки, а иногда — болезненного состояния или по иным причинам» [29].

Основная характеристика неосторожности заключается в том, что лицо демонстрирует общественно опасную беспечность либо невнимательность в своем поведении, что влечет за собой причинение общественно значимых вредных последствий.

Вина в форме неосторожности аналогично вине в форме умысла, подразделяется на два вида: преступную самонадеянность и преступную небрежность [11].

Согласно ч.2 ст. 21 УК «Уголовное правонарушение квалифицируется как совершенное по самонадеянности, если лицо предвидело вероятность наступления общественно опасных последствий своего поведения (действия или бездействия), но необоснованно рассчитывало на их предотвращение» [11].

Ключевой характеристикой самонадеянности является наличие у субъекта осознания потенциальной опасности своих действий при одновременной безосновательной уверенности в том, что негативные последствия не наступят. При этом обстоятельства, на которые опиралось лицо в своих ожиданиях (собственные навыки, профессиональный опыт, ловкость, предусмотрительность или внешние факторы, включая действия третьих лиц), не имеют правового значения для квалификации данного вида неосторожности.

Напротив, при небрежности лицо вовсе не предвидит наступления вреда, хотя при должной внимательности должно было и могло это сделать.

Таким образом можно сделать вывод, что самонадеянность это вид вины в форме неосторожности, отличающийся от небрежности осознанием некоей вероятности вреда и легкомысленным (необоснованным) расчетом на его предотвращение.

Таким образом, в интеллектуальном отношении при самонадеянности субъект предвидит возможность возможных последствий, но воспринимает их как маловероятные и поддающиеся предотвращению. В волевом отношении у него есть негативное отношение к наступлению вреда, однако он не желает его, а лишь рассчитывает избежать его.

Согласно мнению Р.Т. Нуртаева «Хотя поверхностно самонадеянность похожа на небрежность, по сути это самостоятельные виды вины: при самонадеянности субъект осознанно идет на потенциально опасное действие в

расчете предотвратить последствия, тогда как при небрежности он даже не предполагает возможности наступления вреда» [29].

Сложность корректной оценки уголовно – правовой природы самонадеянности и ее отграничения от косвенного умысла обусловлена наличием тонкой грани между легкомысленным расчетом на предотвращение негативных последствий и сознательным допущением их наступления либо безразличным отношением к ним.

В обоих случаях лицо предвидит возможность возникновения общественно опасных последствий, что отражает интеллектуальный компонент вины, связанный с психическим состоянием субъекта в момент совершения деяния. Данный компонент включает не только осознание потенциального вреда, но и комплекс психофизиологических факторов, влияющих на принятие решения.

При этом, волевой аспект самонадеянности проявляется в необоснованном расчете избежать последствий, который осуществляется без учета объективных условий (технических, ситуационных) и субъективных возможностей, таких как профессиональные навыки, когнитивные ресурсы.

Такой расчет, основанный на переоценке собственных сил или недооценке внешних обстоятельств, формирует специфику легкомыслия как формы неосторожности.

Ключевым различием между самонадеянностью и косвенным умыслом остается характер волевого отношения: в первом случае лицо активно, хотя ошибочно, стремится предотвратить последствия, во втором – осознанно допускает их или проявляет к ним безразличие.

Установление данного различия требует анализа мотивационной составляющей, степени адекватности оценки рисков и наличия реальных оснований для предотвращения вреда, что обуславливает необходимость применения междисциплинарных подходов, включая психолого – правовые экспертизы в рамках уголовного судопроизводства.

Понятие преступной небрежности в уголовном праве РК раскрывает особую форму неосторожной вины наряду с самонадеянностью. В теории небрежность характеризуется тем, что лицо не предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при должной внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия» [11].

Таким образом, интеллектуальный компонент небрежности включает в себя противоречие: с одной стороны, отсутствует предвидение последствий, а с другой – именно непредвидение ставится лицу в вину.

Таким образом, небрежность включает в себя два основных признака: 1) непредвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия); 2) наличие обязанности и возможности лица предвидеть эти последствия.

Первым признаком – непредвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия) – небрежность отличается от умысла (прямого и косвенного) и самонадеянности.

Вторым признаком – наличие обязанности и возможности лица предвидеть эти последствия – небрежность отличается от всякого невиновного причинения вредных последствий, за которое лицо не подлежит уголовной ответственности [8, с. 174].

Интеллектуальный фактор небрежности раскрывается через два компонента – положительный и отрицательный: положительный состоит в том, что лицо должно было и могло предвидеть развитие событий, а отрицательный в том, что не предвидело возможных опасных последствий и не осознавало общественной опасности своего деяния [29].

Кроме того, автор подчеркивает, что «в правовом сознании неосторожность воспринимается «извинительнее», чем умысел» [29].

Он детализирует структуру небрежности, выделяя в ней «извинительный» (долженствование – мог предвидеть) и «неизвинительный» (непредвидение и неосознание опасности) элементы.

Одним из примеров небрежности может послужить случай, когда владелец огнестрельного оружия, возвращаясь после охоты, перевозил в автомобиле оружие, находящееся в «боевой готовности» и в следствии неосторожного действия, произошел выстрел, повлекший огнестрельное ранение другого пассажира, приведшее его к смерти.

В данном случае субъект, осуществляя транспортировку заряженного огнестрельного оружия не предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, хотя был обязан и мог предвидеть наступление этих последствий.

Проблема уголовно – правовой оценки ситуаций, когда преступный результат причиняется несколькими лицами по неосторожности, привлекает все больше внимания исследователей и практиков. Без сомнения, совместная преступная деятельность возможна не только при наличии умысла у соучастников, но и при неосторожной форме вины.

Тем не менее, уголовное законодательство Казахстана на сегодняшний день не содержит прямого упоминания института неосторожного сопричинения, ограничиваясь традиционной нормой о соучастии, подразумевающей только умышленные совместные действия (ст. 27 УК РК) [11].

В уголовно-правовой доктрине неосторожное сопричинение обычно рассматривается как особый случай множественности лиц, совершающих правонарушение. Так, авторы А.И. Рарог и В.А. Нарсисян определяют неосторожное сопричинение как «разновидность множественности участников преступления, где несколько лиц совершают по неосторожности одно деяние, влекущее единые общественно – опасные последствия» [30].

Иными словами, характерные признаки этого института составляют:

- совместные действия (бездействия) двух и более лиц, совершенные по неосторожности и приводящие к наступлению единого преступного результата;
- при неосторожном сопричинении поведение всех участников взаимосвязано и взаимообусловлено, образуя единое причинное развитие события;
- каждый из участников обладает самостоятельным статусом субъекта правонарушения, т.е. является отдельным носителем вины и ответственности, однако преступное последствие является общим для всех них;
- обязательным признаком выступает причинная связь между вкладом каждого лица и наступившим последствием;
- все деяния в целом совершено с неосторожной формой вины (по самонадеянности или небрежности) [30].

Указанные признаки, сформулированные в доктрине, позволяют отличить неосторожное сопричинение от существующего в уголовном законодательстве института соучастия.

Существенное отличие состоит в форме вины. В соответствии с устоявшимися положениями уголовно – правовой доктрины, соучастие в совершении правонарушения возможно исключительно при наличии умышленной формы вины, тогда как при неосторожном сопричинении вредные последствия наступают в результате совокупного поведения нескольких лиц, действовавших (бездействовавших) по неосторожности и без предварительного соглашения.

Таким образом, действующим уголовным законодательством Республики Казахстан не регулируются случаи, когда правонарушение по неосторожности совершается несколькими лицами.

Уголовно-правовая система фактически предполагает, что если результат наступил по неосторожности вследствие действий нескольких лиц, то каждый отвечает лишь за свое индивидуальное деяние.

Однако на практике подобные случаи часто рассматриваются как единое происшествие и возникает вопрос о справедливом распределении ответственности между причинившими вред лицами.

Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что законодательное закрепление института неосторожного сопричинения оправдано и необходимо.

Когда преступный результат наступает вследствие совокупности ошибок или нарушений нескольких лиц, степень общественной опасности выше, чем при аналогичном деянии, совершенном одним лицом.

Особенно остро необходимость неосторожного сопричинения проявляется в правонарушениях с бланкетной диспозицией, характерных для сфер производства и безопасности. Совместное нарушение правил зачастую создает многократно усиленную угрозу.

Например, анализируя крупные техногенные катастрофы (такие как авария на Чернобыльской АЭС), авторы отмечают, что именно совокупность неосторожных действий нескольких ответственных лиц приводит к тяжким последствиям [31].

Бланкетные нормы Особенной части УК, такие как нарушение правил безопасности на объектах использования атомной энергии (статья 276 УК РК), нарушение правил безопасности при ведении горных или строительных работ (статья 277 УК РК), недоброкачественное строительство (статья 278 УК РК), нарушение правил или требований нормативов в сфере архитектурной, градостроительной и строительной деятельности (статья 279 УК РК), ненадлежащее выполнение экспертных работ или инжиниринговых услуг (статья 280 УК РК), нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (статья 281 УК РК) и при осуществлении космической деятельности (статья 282 УК РК) устанавливают ответственность за нарушение специальных правил в различных отраслях: атомной энергетике, горных и строительных работах, строительстве зданий, градостроительстве, проведении экспертиз, эксплуатации взрывоопасных объектов, космической деятельности и т.д. [11].

Указанные составы уголовных правонарушений сконструированы таким образом, что их объективная сторона правонарушения заключается в нарушении определенных нормативных требований (правил безопасности, стандартов и пр.), повлекшем общественно опасные последствия.

Все перечисленные составы предусматривают неосторожную форму вины – ответственность по которым наступает в случае причинения вреда здоровью или смерти по неосторожности и предназначены для случаев, когда нарушение правил происходит в результате халатности или легкомыслия.

В деяниях, связанных с нарушением правил техники безопасности или иных нормативных требований, причинная связь с наступившими последствиями зачастую прослеживается не только в действиях непосредственного исполнителя, но и в поведении других участников рабочего процесса, например, руководителей, должностных лиц, ответственных за организацию работы, контролеров и т.д.

На практике нередко случаи, когда расследование ограничивается установлением вины исполнителей, чьи действия состоят в причинно-следственной связи с наступившими последствиями.

Такая ситуация во многом обусловлена отсутствием системного подхода: отсутствием четкого механизма квалификации действий различных субъектов, если их вина носит неосторожный характер и распределена по субъектам разного уровня.

На сегодняшний день законодателем предусмотрена ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации своих обязанностей, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия (ст.254 УК РК) [11].

Анализ правоприменительной практики в области привлечения к уголовной ответственности по данной статье свидетельствует о крайне ограниченном ее использовании.

Несмотря на наличие законодательного механизма, предусматривающего ответственность за недобросовестное исполнение управленческих обязанностей, фактическое количество зарегистрированных правонарушений, направленных в суд и вынесенных приговоров по ним остается незначительным.

Сравнительный обзор статистических данных за 2020 – 2024 гг. показывает, что по отношению к иным правонарушениям в области безопасности производства, строительства и эксплуатации взрывоопасных объектов (ст. 277 УК «Нарушение правил безопасности при ведении горных или строительных работ», ст. 278 УК «Недоброкачественное строительство», ст. 279 УК «Нарушение правил или требований нормативов в сфере архитектурной, градостроительной и строительной деятельности», ст. 280 УК «Ненадлежащее выполнение экспертных работ или инжиниринговых услуг», ст. 281 УК «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах» и ст. 254 УК «Недобросовестное отношение к обязанностям») статья 254 УК практически не реализуется на практике [таблица 2].

Таблица 2 - Сведения по форме отчета № 1-М и форме №1 [28].

Статья	Ст. 277 УК РК			Ст. 278 УК РК			Ст. 279 УК РК			Ст. 280 УК РК			Ст. 281 УК РК			Ст. 254 УК РК		
Период	Зарегистрировано	Направлено в суд	Вынесено приговоров	Зарегистрировано	Направлено в суд	Вынесено приговоров	Зарегистрировано	Направлено в суд	Вынесено приговоров	Зарегистрировано	Направлено в суд	Вынесено приговоров	Зарегистрировано	Направлено в суд	Вынесено приговоров	Зарегистрировано	Направлено в суд	Вынесено приговоров
2020	29	8	5	2	0	0	1	1	1	4	0	0	0	0	0	5	3	3
2021	81	6	8	4	0	0	7	1	1	6	3	0	0	0	0	8	3	1
2022	96	8	5	3	0	0	2	1	1	4	1	0	0	0	0	11	2	0
2023	61	8	5	5	0	0	3	0	0	4	2	0	3	1	0	12	3	4
2024	79	14	13	1	2	0	4	1	0	13	7	1	0	1	1	7	4	2

В определенных случаях связь между действиями лица, выполняющим управленческие функции и нарушением носит опосредованный характер.

К примеру, субъект своими действиями (бездействием) может косвенно способствовать нарушению, в частности, не обеспечивая надлежащий контроль,

не добросовестно обучая персонал или создавая условия, способствующие экономии в безопасности.

Привлечение к ответственности в таких случаях затруднено, если не имеется явного нарушения, подпадающего под состав данного правонарушения.

Таким образом, в отсутствие системного подхода многие лица, чье поведение объективно связано с наступлением вредных последствий, могут уйти от наказания.

Закон не формулирует единого принципа, по которому можно было бы охватить всех соучастников вреда.

В правоприменительной практике разграничить действия, приведшие к последствиям, невозможно, т.к. причиненный вред возникает как кумулятивный результат цепочки допущенных нарушений разными лицами.

Слабая практическая востребованность этой нормы обусловлена сложностью доказывания прямой причинно – следственной связи между ненадлежащим исполнением обязанностей лицом, наделенным управленческими функциями и наступлением тяжких последствий или смерти потерпевшего.

Действующее законодательство требует установить не только факт ненадлежащего исполнения, но и его непосредственную роль в наступлении вредных последствий, что в реальных условиях расследования и судебного разбирательства представляет собой значительную методологическую и доказательственную проблему.

Таким образом, проблема ответственности за неосторожные правонарушения группой лиц становится все более актуальной в условиях усложнения технологий и потенциально катастрофических последствий ошибок. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29.09.2011 года №3 «О практике применения уголовного законодательства по делам об уголовных правонарушениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» разъясняет «Если наступившие при дорожно – транспортном происшествии вредные последствия явились результатом совместных действий нескольких лиц, но среди них были не только водители транспортных средств, указанные в статьях 345, 346 УК, но и другие (например, пешеходы, велосипедисты и т.д.), то к лицам, управлявшим транспортным средством, применяются статьи 345, 346 УК, а неправомерные действия других лиц подлежат квалификации по статье 351 УК» [32].

Таким образом, неправомерные действия каждого участника будут квалифицироваться отдельной нормой, несмотря на одно дорожно-транспортное происшествие.

Вместе с тем, в отсутствие специального института некоторые участники могут вовсе избежать уголовной ответственности, даже если их поведение способствовало наступлению вреда.

Так, лицо, подстрекавшее другого к рискованным действиям, к примеру, пассажир настойчиво убеждает водителя резко увеличить скорость и в

результате чего, водитель не справившись с управлением автомобиля, совершает наезд на пешехода.

В данном случае, согласно уголовного законодательства, к уголовной ответственности будет привлечен только водитель данного автомобиля.

Французская судебная система прямо признала (решение Кассационного Суда Франции): «пассажир, подстрекающий водителя к быстрой езде, считается соучастником неосторожного преступления» [33].

К вышеперечисленным примерам «подстрекательства» в транспортных правонарушениях можно отнести и автомобильные гонки на городских дорогах, которые на сегодняшний день не являются таким уж и редким событием, о чем свидетельствуют новостные публикации в социальных сетях. Зачастую такие автогонки завершаются гибелью или ранением людей [34].

Одним из примеров может послужить дело по факту дорожно-транспортного происшествия, произошедшее 27.08.2017 года в г. Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской области. Водитель Н., управляя автомобилем марки «Субару Легаси», допустил наезд на пешехода С., в результате чего последний скончался на месте происшествия [35].

Так, водитель Н., управляя автомобилем марки «Субару Легаси», нарушая допустимую скорость движения 40 км/ч, двигаясь на высокой скорости параллельно с автомобилем марки «Шкода Ети», допустил наезд на пешехода С., который следуя по пешеходному переходу в установленном месте, увидев движущийся на высокой скорости автомобиль марки «Шкода Ети», пытаясь уйти от наезда, поменял свое направление в обратную сторону [35].

В этот момент водитель Н. управляя автомобилем марки «Субару Легаси», не предполагая обратного направления пешехода, т.к. направлялся по полосе, которую пешеход уже преодолел, не смог справиться с управлением своего автомобиля и предотвратить наезд на пешехода С [35].

Согласно заключению эксперта, скорость движения автомобиля марки «Субару Легаси» к моменту начала торможения составляла около 109.9 км/ч. Можно достоверно предположить, что скорость автомобиля «Шкода Ети» превышала эту скорость, т.к. направлялась впереди данного автомобиля [35].

По данному факту, к уголовной ответственности был привлечен лишь водитель автомобиля марки «Субару Легаси» [35].

В данном случае действия водителя автомобиля «Шкода Ети», не предоставившему преимущество пешеходу на обозначенном переходе, своими действиями повлиял на поведение пешехода, что явилось причинно-следственной связью с наступившими общественно-опасными последствиями [34].

В англо-американской правовой системе отсутствует понятие «преступление, совершенное группой лиц по неосторожности», как отдельный институт, однако суды нередко привлекают к ответственности всех участников опасного поведения.

Англосаксонское право решило проблему посредством гибкого применения доктрины соучастия: несмотря на то, что пособничество требует умысла, все, кто сознательно участвовал в опасном событии, могут считаться участниками преступной небрежности.

Примером может послужить решение законодателя США, подразумевающего, что возможности предвидеть общественно опасные последствия, к которым привели действия исполнителя, достаточны для установления связи между ним и другими причастными к преступлению лицами. К примеру, оба автомобилиста должны отвечать за причинение смерти по неосторожности, если во время их гонки на шоссе один из них совершил наезд на пешехода [36].

В Английской практике известны случаи привлечения к уголовной ответственности группы лиц за непредумышленное убийство, т.е. по неосторожности. Примером служит случай, когда группа лиц, стрелявших по мишеням и по неосторожности убивших мальчика, была осуждена за непредумышленное убийство: стрелявший, выпустивший роковой выстрел, признан исполнителем 1-й степени, а остальные участники стрельбы – исполнителями 2-й степени виновности [36].

В целях законодательного урегулирования пределов ответственности группы лиц за неосторожное правонарушение предложено внести в теорию уголовного права институт неосторожного сопричинения с формулировкой определения следующего содержания: «Неосторожное сопричинение – это действия (бездействие) двух и более лиц, совершенные по неосторожности, каждый из которых нарушил установленные (предписанные) требования безопасности, если эти действия (бездействия) находятся в причинной связи с наступлением общественно – опасных последствий, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Казахстан».

В целях обеспечения единообразного подхода к правоприменению в случаях, когда преступный результат является следствием неосторожных действий нескольких лиц, в рамках данной работы разработаны рекомендации для применения их в практической деятельности [приложение 1] и апробированы и внедрены в практическую деятельность в рамках прохождения стажировки в Линейном управлении полиции на станции Астана Департамента полиции на транспорте МВД РК [приложение 2].

Данные рекомендации направлены на повышение эффективности уголовного преследования в ситуациях неосторожного сопричинения, в частности:

- сформулированы признаки, позволяющие разграничивать неосторожное сопричинение и соучастие;
- предлагаются критерии квалификации и алгоритмы доказывания при расследовании групповых правонарушений по неосторожности;
- обоснована необходимость корректировки следственной и судебной практики с учётом кумулятивного характера нарушений;

- содержатся предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства;

- подчёркивается значение комплексного межведомственного подхода к расследованию инцидентов, возникающих вследствие халатности и недостаточного контроля со стороны различных субъектов.

Разработанные положения имеют практическую применимость и могут быть использованы органами досудебного расследования, прокуратурой, судами а также в системе профессиональной подготовки следователей и экспертов.

2.3 Характеристики признаков, образующих двойную форму вины.

Длительное время проблема двойной формы вины оставалась предметом исключительно теоретического обсуждения. Однако с принятием в 1997 году Уголовного Кодекса Республики Казахстан это понятие получило законодательное закрепление в статье 22, что стало важным шагом в развитии уголовно-правовой доктрины и практики [37].

Диспозиция статьи 22 УК РК в действующем уголовном кодексе изложена в следующей редакции: «Если в результате совершения умышленного уголовного правонарушения причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случаях, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или если лицо не предвидело, но должно и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое уголовное правонарушение признается совершенным умышленно» [11].

По мнению Нуртаева Р.Т. «двойная форма вины, по сути, означает параллельное проявление двух самостоятельных форм вины в одном уголовном правонарушении, характеризующемся неким раздвоением субъективной стороны состава уголовного правонарушения, вследствие чего необходимо устанавливать соответственно и двойную форму вины: вину по отношению к учиненному субъектом общественно опасному деянию (действию или бездействию) и вину по отношению к наступившим в результате этого деяния последствиям» [29].

Проблема двойной формы вины вызвала оживленную научную дискуссию еще в конце 1970 начале 1980 годах в журнале «Советская юстиция». В ходе этой дискуссии было высказано множество мнений, порой противоречивых и взаимоисключающих.

Среди исследователей быстро сформировались две противоположные позиции: одни признавали существование двойной формы вины, тогда как другие решительно ее отрицали. К числу оппонентов самой возможности двойной формы вины относились А.Б. Сахаров, А.Я. Светлов, Ф.Г. Бурчак, А.Г. Микадзе, Г.З. Анакин и др.

Характерной чертой многих противников стала известная непоследовательность аргументации. Так, Н.Ф. Кузнецова занимала позицию отрицания двойной формы вины, называя абсурдным утверждение о том, что «можно умышленно причинить неосторожное преступное последствие» [38] и в то же время заявляя, что «...в тяжких телесных повреждениях основной ущерб здоровью причиняется умышленно, смерть же наступает вследствие неосторожной вины» [39], хотя оба этих последствия являются результатом одного и того же действия. Подобные противоречия ослабляли позицию отрицания концепции.

Критические взгляды ученых, отрицавших существование двойной формы вины, во многом объяснялись тем, что некоторые изложенные защитниками концепции положения не соответствовали базовым принципам уголовного права или даже букве закона.

Нередко критика строилась на анализе конкретных составов правонарушений, а выводы необоснованно распространялись на идею двойной формы в целом, что вряд ли можно признать удачным подходом.

Тем не менее, сама интенсивность полемики свидетельствовала о важности проблемы и необходимости ее дальнейшего исследования.

Впервые глубокий всесторонний анализ двойной формы вины предпринял А.Д. Горбуза. В своем исследовании «Смешанная форма вины по советскому уголовному праву» он попытался систематизировать взгляды сторонников концепции и выработать собственное определение.

Горбуза условно разделил сторонников идеи двойной (смешанной) формы вина на две группы в зависимости от содержания вкладываемого в это понятие и методики его определения.

К первой группе он отнес приверженцев так называемой широкой концепции: П.С. Дагеля, В.Ф. Кириченко, В.Н. Кудрявцева, Б.А. Куринова, В.Д. Меньшагина, А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского и др. Вторая группа представляла узкую концепцию и включала Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецову, А.Н. Санталову, И.С. Тишкевич, И.Г. Филановского и других. Сам Горбуза как отмечал, придерживался более узкого понимания двойной формы вины [40, с. 8].

Интересно отметить, что во многом именно чрезмерно широкие трактовки со стороны отдельных сторонников концепции провоцировали решительное неприятие самой идеи двойной формы вины их оппонентами.

Сторонники широкой концепции стремились расширить сферу применения двойной формы вины далеко за пределы классической ситуации «умысел в действии и неосторожность в последствиях».

Во первых, ряд авторов пытались распространить эту концепцию не только на квалифицированные составы правонарушений, но и на простые составы.

В их работах субъективная сторона некоторых правонарушений трактовалась по схеме двойной формы вины. Например, к таким правонарушениям они относили умышленное причинение тяжкого вреда

здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч.3 ст. 106 УК РК) и другие аналогичные составы [11].

При этом, выделялось два вида ситуаций:

- 1) когда деяние виновного само по себе образует оконченное умышленное правонарушение, а наступившие по неосторожности последствия лишь квалифицируют содеянное (пример в указанной ч. 3 ст. 106 УК РК) [11];
- 2) когда действие нарушает установленные правила безопасности (административные, технические и т.п.) и становится преступным только после наступления вредных последствий.

Ко второму виду относятся, например, нарушение правил безопасности, повлекшие тяжкий вред, которые тоже предлагалось считать правонарушениями с двумя формами вины.

Критики указывали, что подобный подход фактически разделяет объективную сторону материального состава правонарушения на две части, устанавливая отдельно психическое отношение к действию и к последствиям.

На практике это вносит неопределенность в квалификацию, затрудняя ответ на вопрос, считать конкретное правонарушение умышленным или неосторожным.

П.Ф. Тельнов отметил, что «последовательное продолжение идеи установления самостоятельных форм вины относительно действий и их последствий позволяет представить любое неосторожное правонарушение в качестве правонарушения с двойной формой вины», ведь почти любое неосторожное деяние связано с совершением тех или иных сознательных (умышленных) действий [41].

Иными словами, если рассматривать умысел и неосторожность отдельно для действия и результата, то любое правонарушение по неосторожности можно было бы искусственно преподнести как содеянное с двумя формами вины.

Н.Ф. Кузнецова обращала внимание и на проблему оснований уголовной ответственности за неосторожные правонарушения при таком широком подходе. По ее мнению, чрезмерное расширение понятия двойной формы вины смещает акцент с самого факта причинения вреда на формальное нарушение правил.

Она отмечала: «Центр тяжести в общественной опасности неосторожных правонарушений переносится с причинения ущерба на самый факт нарушения административных или дисциплинарных правил» [42].

Таким образом, опасность деяния начинает усматриваться не столько в причиненном вреде, сколько в факте нарушения, что может исказить критерии криминализации деяний по неосторожности.

Во-вторых, широкое толкование допускало сочетание не только разных форм вины, но и разных видов одной формы. Ряд авторов полагали возможным конструировать двойную форму из комбинации, например, прямого умысла в отношении действий и косвенного умысла в отношении последствия, либо сочетать самонадеянность и небрежность (виды неосторожности) в рамках одного состава.

Однако, такое расширение вариантов не находит оправдания. Подобные комбинации не создают качественно разнородного психического отношения. Психологически они не образуют новой формы вины, поэтому позиция авторов, настаивающих на таких сочетаниях, была признана спорной и необоснованной.

В-третьих, наиболее радикальные представители широкой концепции включали в орбиту двойной формы вины не только отношение к деянию и его последствию, но и психическое отношение к любым обязательным либо квалифицирующим признакам состава. Они утверждали наличие двойной формы, например, в убийстве при превышении пределов необходимой обороны или в изнасиловании несовершеннолетней.

Обоснование строилось на так называемой теории раздельного установления вины за действие и наступившее последствие. Так, П.С. Дагель считал, что «раздельное рассмотрение психического отношения субъекта необходимо и при применении некоторых институтов Общей части, например, превышение пределов необходимой обороны (отношение к факту превышения пределов необходимой обороны, отношение к вреду, причиненному нападающему) и соучастия (отношение к факту пособничества или подстрекательства; отношение к последствию деяния, совершенного исполнителем)» [43].

Иными словами, он предлагал в подобных случаях рассматривать отношение лица к отдельным элементам (факту превышения обороны, факту помощи преступнику и т.д.) раздельно.

С точки зрения критиков, такой подход неправомерно подменяет собственно вину интеллектуальным осознанием разных обстоятельств. Мы разделяем мнение, что знание лица о тех или иных факторах (возраст потерпевшей, превышение обороны и пр.) само по себе не равнозначно наличию отдельной формы вины. Поэтому расширение понятия двойной формы вины на случаи, выходящие за рамки различного отношения к деянию и последствиям, было обоснованно подвергнуто серьезной критике.

В литературе отмечалось, что законодательные определения умысла и неосторожности основаны именно на характере психического отношения к действию (бездействию) и его преступному последствию.

Следовательно, двойная форма вины допустима лишь там, где налично разное психическое отношение к двум указанным элементам объективной стороны – к самому деянию и к наступившему вредному результату.

К примеру, при превышении пределов необходимой обороны законодатель исходит из особой природы подобных ситуаций, а не из конструкции двойной формы вины. Само по себе превышение пределов обороны не является правонарушением, вопрос об уголовной ответственности возникает лишь при причинении конкретного вреда, например тяжкого вреда здоровью или смерти нападающему. Если такой вред причинен неосторожно в условиях обороны, то уголовная ответственность вообще исключается.

Закон (ч.3 ст. 32 УК РК) гласит, что превышением пределов обороны признается лишь умышленное причинение явно чрезмерного вреда посягающему [11].

Таким образом, если вред при защите причинен неосторожно, правонарушения нет вовсе – следовательно, говорить о двойной форме вины в таких случаях неправомерно.

Несмотря на активное применение идеи двойной формы вины применительно к разным составам, прямые попытки дать строгое определение этому явлению долгое время были редкостью. Большинство ранних определений сводилось по сути к механическому суммированию двух форм вины в рамках одного состава. Такой упрощенный подход представлялся принципиально недостаточным.

А.Д. Горбуза предложил иной, оригинальный взгляд на проблему. Он определил двойную форму вины (называя ее смешанной формой) как качественно особую, самостоятельную форму проявления отрицательного отношения лица к охраняемым интересам, занимающую промежуточное положение между умыслом и неосторожностью по степени общественной опасности деяния: «Смешанная форма вины в составных преступлениях представляет собой самостоятельную форму выражения отрицательного отношения лица к интересам общества, которая по степени общественной опасности занимает промежуточное положение между умыслом и неосторожностью и характеризует определенную степень опасности составного преступления. Это третья самостоятельная форма вины» [40, с. 7-8].

А.Д. Горбуза тем самым фактически провозгласил двойную форму вины третьей наряду с двумя классическими формами – умышленной и неосторожной. В рамках своего исследования он обосновал качественную самостоятельность этой формы и вывел несколько ключевых положений. В частности, А.Д. Горбуза приходит к следующим важным выводам:

- во-первых, объективным обоснованием самостоятельного качества двойной формы вины в сложных (составных) правонарушениях является повышенная общественная опасность самого такого правонарушения, превышающая в совокупности опасность его составных частей (умышленного деяния и породившегося из него неосторожного последствия);

- во-вторых, основное деяние при правонарушении с двойной формой вины представляет собой оконченное самостоятельное правонарушение (с материальным и формальным составом) и служит причиной наступления дополнительного тяжкого последствия. Оба этих элемента объективной стороны образуют единый причинно обусловленный акт поведения [40, с. 13];

- в-третьих, совершая основное правонарушение умышленно, лицо проявляет неосторожность в отношении наступившего тяжкого (квалифицирующего) последствия [40, с. 13];

- в-четвертых, двойная форма вины представляет собой целостную систему, состоящую из двух самостоятельных компонентов, каждый из которых

имеет собственную структуру, аналогичную структуре умысла или неосторожности.

Эти положения существенно продвинули понимание природы двойной формы вины. В то же время концепция А.Д. Горбуза не лишена недостатков. Некоторые критики указали, что ученный слишком большое значение придает степени общественной опасности, упуская из виду структурный критерий состава правонарушения.

Действительно, специфическая структура составного правонарушения является определяющей для появления двойной формы вины. Двойная форма вины предопределяется устройством сложного состава правонарушения, субъективную сторону которого она характеризует.

Как отмечается в литературе «...под составным преступлением в науке уголовного права понимается единое преступление, складывающееся из двух общественно опасных деяний, каждое из которых, взятое в отдельности, рассматривается законом в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого посягательства» [44].

Иными словами, наличие сложного двуединого состава (двух преступных деяний в одном правонарушении) создает объективную основу для существования двойной формы вины.

Соглашусь с мнением А.Д. Горбуза о том, что о составном правонарушении, а следовательно, и о двойной форме вины, можно говорить лишь тогда, когда дополнительное тяжкое последствие умышленного деяния представляет собой основной результат другого самостоятельного деяния.

Иначе говоря, второе (неосторожное) последствие должно фактически соответствовать по сути отдельному правонарушению, наступившему в результате первого. Только в таком случае сочетание умысла и неосторожности в рамках единого правонарушения обретает реальный смысл.

Долгое время тема двойной формы вины оставалась теоретической, не получая прямого закрепления в законодательстве, однако потребность в этом назревала.

В юридической литературе неоднократно указывалось на необходимость совершенствования уголовного закона в части регулирования института вины. Еще в советский период С.Г. Келина писала: «Следовало бы попытаться дать более тонкие градации психического отношения лица к совершаемому им деянию и наступившим вредным последствиям, используя современные данные психологической науки. Необходимо также решить в законе вопрос о так называемой сложной вине» [45].

Этот призыв отражал сознание того, что простое деление вины на умысел и неосторожность не охватывает всех возможных вариантов психического отношения. Вместе с тем пути реализации этой идеи в законе долгое время оставались неясными.

Сам термин «преступления двумя формами» был введен в научный оборот сравнительно давно, однако лишь в 1997 году он получил официальное

закрепление. Новый Уголовный Кодекс Республики Казахстан 1997 года впервые определил данное явление. В ст. 22 УК РК «Ответственность за преступления, совершаемые с двумя формами вины» [37].

Анализ современного законодательства показывает, что подавляющее большинство составов правонарушений предполагают одну форму вины – либо умысел, либо неосторожность.

Однако существуют специальные нормы, усиливающие ответственность за деяния, если наряду с умыслом оно привело по неосторожности к последствиям, которым закон придает значение квалифицирующего признака.

Классический пример – уже упомянутое умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего по неосторожности.

Правонарушения с двумя формами вины обладают совокупной общественной опасностью, складывающейся из опасности умышленного деяния и наступившего вследствие него неосторожного последствия. При этом, общая опасность такого правонарушения существенно выше, чем опасность каждого из компонентов отдельно.

Достаточно сравнить санкции: наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть (две формы вины в одном правонарушении) значительно строже, чем за самостоятельные деяния – просто умышленное причинение тяжкого вреда или отдельно, причинение смерти по неосторожности. Эта более высокая карательная оценка обусловлена именно сочетанием двух форм вины, усиливающим ответственность.

Введение ст. 22 в УК РК было продиктовано необходимостью четко разграничивать умышленные и неосторожные деяния в ситуациях, когда одно правонарушение объединяет оба элемента одновременно.

Речь идет о составах, сконструированных особым образом: умышленное деяние приводит к наступлению более тяжкого последствия, чем то, к которому стремился виновный.

Законодатель фактически объединяет два самостоятельных правонарушения – одно умышленное, одно неосторожное – в рамках одного состава, создавая качественно новое правонарушение.

При этом каждое из этих правонарушений могло бы существовать раздельно, но соединение их в едином правовом составе изменяет юридическую оценку содеянного.

Например, умысел на причинение вреда здоровью сочетаясь с неосторожным лишением жизни образует новый состав, отличающийся от простого умышленного причинения вреда или простого неосторожного убийства.

Исходя из изложенного, представляется возможным сформулировать общее понятие двойной формы вины. Двойная форма вины состоит из двух самостоятельных форм виновности – умысла и неосторожности, одна из которых устанавливается в рамках основного состава правонарушения, а другая – в

отношении наступившего последствия, которое по сути обладает признаками другого самостоятельного правонарушения.

При квалификации таких деяний нельзя ограничиваться чисто механическим учетом субъективной стороны сложного деликта. На это обратил внимание и Пленум Верховного суда РК, указав, что «при разграничении умышленного убийства от умышленного причинения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, необходимо учитывать направленность умысла виновного, его субъективное отношение к результатам своих действий – смерти потерпевшего» [46].

Иными словами, решающее значение имеет, желал ли виновный наступления конечного результата (смерти) или лишь допустил его по неосторожности – от этого зависит квалификация либо как убийства, либо как причинение вреда здоровью с двойной формой.

Уголовно-правовое явление двойной формы вины проявляется только при наличии особого сочетания объективных и субъективных признаков. Опираясь на вышеизложенное, можно выделить ряд характерных признаков правонарушений, совершаемых с двумя формами вины:

1. Материальный состав и два последствия, т.е. двойная форма вины встречается исключительно в правонарушениях с материальным составом, объективная сторона которых включает основное деяние и наступившее вследствие него общественно опасное последствие. Базовый состав правонарушения дополняется производным тяжким последствием, усиливающим ответственность.

2. Единый психологический процесс, а именно вина такого правонарушения представляет собой систему из двух компонентов, которые реализуются в рамках единого психологического процесса. Происходит качественно определенное сочетание умысла (в отношении основного деяния) и неосторожности (в отношении наступившего последствия). Несмотря на разнородность элементов, они объединены в одном акте поведения и в сознании виновного связаны с единым деянием.

3. Повышенная общественная опасность, т.е. наступление дополнительного тяжкого последствия существенно повышает общественную опасность содеянного. Закон поэтому предусматривает усиленную уголовную ответственность за факт наступления такого последствия. Проще говоря, санкция за правонарушение с двумя формами вины строже, чем за аналогичное умышленное правонарушение без отягчающего последствия.

4. Квалифицирующий характер второго последствия, т.е. производное последствие выступает в составе в качестве квалифицирующего обстоятельства. Его наличие переводит правонарушение в категорию более тяжких и четко отграничивает состав с двойной формой вины.

Учитывая перечисленные особенности, можно дать итоговое определение: двойная форма вины – это качественно определенное сочетание в рамках единого психического процесса умышленного отношения лица к основному

составу правонарушения и неосторожного отношения к наступившим тяжким последствиям, за факт наступления которых законом предусмотрена повышенная уголовная ответственность.

Такое сочетание образует особую форму виновности, отличную от чистого умысла или чистой неосторожности и получает самостоятельное значение при квалификации правонарушений.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что законодательное закрепление понятия двойной формы вины в статье 22 Уголовного кодекса Республики Казахстан стало значительным шагом в развитии уголовно – правовой доктрины.

Данная норма предусматривает ответственность за тяжкие последствия, наступившие в результате умышленного деяния, если эти последствия не охватывались умыслом, но лицо предвидело или должно было предвидеть их наступление.

Таким образом, законодатель признал возможность сочетания умысла и неосторожности в рамках одного правонарушения, что требует особого подхода к квалификации таких деяний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, представляется необходимым подчеркнуть, что категория вины в уголовном праве обладает сложной, многоаспектной природой, охватывающей как фундаментальные теоретико – правовые, так и прикладные аспекты уголовной ответственности. Вина выступает не только в качестве базового уголовно – правового принципа, согласно которому субъект может быть привлечен к уголовной ответственности за те действия или бездействия, а также за те общественно опасные последствия, в отношении которых достоверно установлено его виновное отношение, но и как обязательный элемент субъективной стороны правонарушения, присутствующий во всех составах без исключения.

При этом, вина не исчерпывает собой всю структуру субъективной стороны, поскольку наряду с ней выделяются такие факультативные признаки, как мотив и цель, которые, в отличие от вины, не являются обязательными для квалификации большинства правонарушений, а лишь дополняют характеристику внутреннего состояния субъекта, способствуя более точной индивидуализации уголовной ответственности.

Несмотря на признание института вины краеугольным камнем уголовного права, действующее законодательство Республики Казахстан по прежнему не содержит нормативно закреплённого определения данного понятия. В связи с этим в настоящей работе предлагается авторская дефиниция, отражающая современные научные подходы следующего содержания: «Вина – это психическое отношение лица, выражающееся в осознанном восприятии им совершаемого общественно – опасного деяния и волевом отношении к наступлению его общественно опасных последствий, проявляющееся в форме умысла или неосторожности».

Данная формулировка позволяет не только дифференцировать формы вины, но и обеспечить должный уровень индивидуализации уголовной ответственности, что соответствует принципам справедливости и законности.

Кроме этого, особое внимание в исследовании уделено проблеме неосторожного сопричинения вреда, которая в современных условиях приобретает все большую актуальность в связи с усложнением технологических процессов и расширением сферы применения коллективных форм труда.

Одной из наиболее значимых проблем, возникающих при исследовании феномена неосторожного сопричинения в уголовном праве, выступает необходимость точного установления причинно – следственной зависимости между действиями (бездействием) двух и более субъектов и наступившими общественно опасными последствиями. Особенность правонарушений, совершенных по неосторожности, заключается в том, что поведение одного из участников может не представлять собой непосредственного нарушения уголовного запрета, однако создает исходную ситуацию повышенной опасности,

в рамках которой иное лицо допускает нарушение правил безопасности, способствующее реализации противоправного результата.

В таких обстоятельствах причинная связь принимает сложный, опосредованный и многоуровневый характер, что не исключает возможность ее признания юридически значимой. Учитывая специфику взаимодействия субъектов в рамках производственных, технических или административных процессов, подобный тип причинной связи заслуживает квалификации как достаточной для возложения уголовной ответственности на всех лиц, чье поведение повлияло на наступление последствий, при условии соблюдения критериев предсказуемости и предотвратимости результата.

Современные условия правоприменения диктуют необходимость отхода от формализованного и узкого подхода к трактовке неосторожности, согласно которому достаточным основанием для привлечения к ответственности считается лишь нарушение конкретного пункта нормативного акта или инструкции. Такой подход зачастую не отражает всей полноты реальных причин нарушения и не учитывает взаимодействие множества факторов и участников. Установление должностного лица, на которое формально возложены обязанности по обеспечению безопасности, не может служить основанием для автоматического признания его единственным виновным в наступлении вредных последствий.

В условиях сложной коллективной деятельности, особенно в иерархических структурах, ответственность за результат может носить распределенный характер и включать в себя действия или бездействие нескольких участников, каждый из которых внес свой неосознанный «вклад» в возникновение опасной ситуации, приведшего к противоправному результату.

Таким образом, требуется более гибкий и комплексный подход к оценке субъективной стороны неосторожных деяний с учетом организационной структуры, фактического распределения обязанностей и объективных обстоятельств дела.

В целях законодательного урегулирования пределов ответственности группы лиц за неосторожное правонарушение предложено внести в теорию уголовного права институт неосторожного сопричинения с формулировкой определения следующего содержания: «Неосторожное сопричинение – это действия (бездействие) двух и более лиц, совершенные по неосторожности, каждый из которых нарушил установленные (предписанные) требования безопасности, если эти действия (бездействия) находятся в причинной связи с наступлением общественно – опасных последствий, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Казахстан».

В целях обеспечения единообразного подхода к правоприменению в случаях, когда преступный результат является следствием неосторожных действий нескольких лиц, в рамках данной работы разработаны рекомендации для применения их в практической деятельности.

Данные рекомендации направлены на повышение эффективности уголовного преследования в ситуациях неосторожного сопричинения, в частности:

- сформулированы признаки, позволяющие разграничивать неосторожное сопричинение и соучастие;
- предлагаются критерии квалификации и алгоритмы доказывания при расследовании групповых правонарушений по неосторожности;
- обоснована необходимость корректировки следственной и судебной практики с учётом кумулятивного характера нарушений;
- содержатся предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства;
- подчёркивается значение комплексного межведомственного подхода к расследованию инцидентов, возникающих вследствие халатности и недостаточного контроля со стороны различных субъектов.

Разработанные положения имеют практическую применимость и могут быть использованы органами досудебного расследования, прокуратурой, судами, а также в системе профессиональной подготовки следователей и экспертов [Приложение 1].

Введение данной нормы позволит повысить уровень дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, а также обеспечить более эффективную защиту общественных отношений в условиях современной технологической и социальной реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

- 1 Конституция Республики Казахстан Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ Дата обращения: 23.03.2025.
- 2 Всеобщая декларация прав человека Декларация, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> Дата обращения: 25.03.2025.
- 3 Культелеев, Т. М. Уголовное обычное право казахов: монография - Караганды: Болашақ-Баспа, 2004. - 430 с.
- 4 Чистякова, О.И. Российское законодательство X-XX века: в 9т.: Т.4: Законодательство периода становления абсолютизма – Москва: Юридическая литература, 1986 - 512 с.
- 5 Голяков, И.Т. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917—1952 – Москва: Госюриздат, 1953 – 463 с.
- 6 Маркелов, В. Н., Бейсенов, Б. С., Поленов, Г. Ф., Пушечников, А. Г., Филимонова, А. А., Ашитов, З. О., Зинченко, В. А., Жадбаев, С. Х., Сыздыков, М. Н., Баймурзин, Г. И. Комментарий к Уголовному кодексу Казахской ССР - 1. - Алма-Ата: Казахстан, 1980 - 476 с.
- 7 Каиржанов, Е. И. Уголовное право Республики Казахстан (общая часть): Учебник для высших учебных заведений - Алматы: Арда, 2006 - 248 с.
- 8 Борчашвили, И.Ш. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан. Общая часть (том 1) - том 1. - Алматы: Жеті жарғы, 2015 - 498 с.
- 9 Рарог, А. И. Вина в советском уголовном праве - 1. – Саратов, 1987 - 107 с.
- 10 Рахметов, С. М. Квалификация уголовных правонарушений: Научно-практическое пособие. - 1. - Алматы: Издательство LEM, 2019 - 220 с.
- 11 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-V ЗРК [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> Дата обращения: 30.03.2025.
- 12 Журсимбаев С.К. Словарь основных юридических терминов и понятий. – Алматы: ИК «НАС» - 2004 - 152 с.
- 13 Борчашвили, И.Ш. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан. Особенная часть (том 2) - Алматы: Жеті Жарғы, 2015 - 1120 с.
- 14 Джекебаев, У. С. Основные принципы уголовного права Республики Казахстан (Сравнительный комментарий к книге Дж.Флетчера и А.В. Наумова «Основные концепции современного уголовного права»). Алматы: Жеті Жарғы, 2001 - 256 с.
- 15 Голованова, Н. А., Еремин, В. Н., Игнатова, М. А., Козочкин, И. Д., Крылова, Н. Е., Серебренникова, А. В. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие. Москва: Омега-Л, 2003 - 576 с.
- 16 Жалинский, А. Э., Рерихт, А. А. Введение в немецкое право. Москва: Спартак, 2001 - 767 с.

- 17 Аистова, Л. С., Краев, Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. Учебное пособие [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://procutor.spb.ru/izdanija/2013_01_02.pdf Дата обращения: 02.03.2025.
- 18 Есаков, Г. А., Крылова, Н. Е., Серебренникова, А. В. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. Москва - Проспект М - 2011 - 336 с.
- 19 Кораблева, С. Ю. Вина как уголовно - правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений: Диссертация на соискание кандидата юридических наук - Москва - 2013 - 201 с.
- 20 Рогов, И. И., Балтабаев К. Ж. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть - Алматы: Жеті Жарғы, 2016 - 448 с.
- 21 Рарог, А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. Монография. Москва – Проспект - 2017 - 232 с.
- 22 Иванов, Н. Г. Умысел в уголовном праве России // Российская юстиция. - 1995. - № 12 - С. 16-24.
- 23 Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnye-formalnye-i-usechennye-sostavy-prestupleniy-diskussiya-s-prodolzheniem/viewer> Дата обращения: 02.03.2025.
- 24 Паньков, И. В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты: Автореферат на соискание кандидата юридических наук; Санкт-Петербургский государственный университет. - Санкт-Петербург, 2010. - 26 с.
- 25 Щепельков, В. Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: Диссертация на соискание доктора юридических наук; Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - Санкт-Петербург, 2003. - 484 с.
- 26 Крахмальник Л., Ной И. Об уголовной ответственности за угрозу убийством//Социалистическая законность, 1959 - №6 – С. 49-58.
- 27 Кусманова, А. А. Проблемные аспекты при определении вины за угрозу в уголовном законодательстве // Сборник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://academy-rep.kz/uploads/983-8437c32a18fe0f233ae3a3a28dedf4b4.pdf> Дата обращения 29.03.2025.
- 28 Комитет правовой статистики и специальных учетов при Генеральной прокуратуре РК [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> Дата обращения: 25.01.2025.
- 29 Нуртаев Р.Т. Комментарий к статьям 21, 22, 23, 340 Уголовного кодекса Республики Казахстан [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/wniobzor> Дата обращения: 25.03.2025.
- 30 Рарог А.И., Нерсисян В.А. Неосторожное сопричинение и его уголовно-правовое значение //Законодательство - 1999 - № 12 - С. 71-77.

- 31 Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: КГАУ - 2000 - 200 с.
- 32 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29.09.2011 года №3 «О практике применения уголовного законодательства по делам об уголовных правонарушениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P110000003S#:~:text=%D0%95%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%B8%D0%B2%D1%88%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE,%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%20351%20%D0%A3%D0%9A> Дата обращения: 23.03.2025.
- 33 Рарог, А. И. Неосторожное сопричинение и его уголовно-правовое значение. Законодательство № 12 - 1999 - 76 с.
- 34 Кусманова, А. А. Актуальность применения неосторожного сопричинения при квалификации некоторых правонарушений. Международный научно-практический журнал «Endless light in science» [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://irc-els.com/docs/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A%20%D0%9C%D0%9D%D0%96%2031%20%D0%9E%D0%9A%D0%A2%D0%AF%D0%91%D0%A0%D0%AF%202024%20%D0%AE%D0%A0%D0%98%D0%94%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%95%20%D0%9D%D0%90%D0%A3%D0%9A%D0%98.pdf> Дата обращения 30.03.2025г.
- 35 Приговор Суда №2 города Усть – Каменогорск Восточно – Казахстанской области Республики Казахстан от 09.11.2017 №1-1470 [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://office.sud.kz/courtActs/document.xhtml> Дата обращения: 04.03.2025.
- 36 Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учеб. пособие. Москва: Зерцало, 1997.
- 37 Уголовный Кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года N 167. Утратил силу Кодексом РК от 3 июля 2014 года № 226-V [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970000167_ Дата обращения: 23.03.2025.
- 38 Кузнецова, Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. Москва: Московского университета МВД России - 1958 - 204 с.
- 39 Кузнецова, Н. Ф. Значение преступных последствий. Москва: Госюриздат - 1958 - 219 с.

- 40 Горбуза, А. Д. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву: Автореферат на соискание кандидата юридических наук; Высшая школа МВД СССР - Москва - 1972 - 213 с.
- 41 Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. Москва: Юридическая литература - 1974 - 208 с.
- 42 Кузнецова, Н. Ф. О квалификации вины // Советская юстиция - 1980 - № 23 – С. 194.
- 43 Дагель, П. С., Котов, Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Издательство Воронежского университета - 1974 - 243 с.
- 44 Ляпунов, Ю. И. Квалификация составных (сложных) преступлений // Социалистическая законность - 1982 - № 2 - С. 48-51.
- 45 Келина, С. Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право - 1987 - № 5 – 84 с.
- 46 Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года N 1 "О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека" [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P07000001S_ Дата обращения: 10.03.2025.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Рекомендации по применению института неосторожного сопричинения по уголовным правонарушениям, совершенным по неосторожности

1. Общие положения

1.1 Институт неосторожного сопричинения представляет собой теоретическую и практическую конструкцию, отражающую случаи, когда преступный результат наступает в результате совокупности действий (бездействия) нескольких лиц, действовавших по неосторожности, без предварительного соглашения и при отсутствии умысла.

1.2 Данный институт находит особую актуальность при расследовании преступлений, совершаемых в сферах с повышенной опасностью: строительстве, промышленности, энергетике, транспорте и других, где вред возникает как результат совокупного нарушения правил различными субъектами.

2. Цель внедрения института

2.1 Повышение эффективности уголовного преследования в случаях коллективной неосторожности.

2.2 Обеспечение справедливого распределения ответственности между лицами, чьи действия (бездействия) находились в причинной связи с общественно-опасными последствиями.

2.3 Устранение правовых пробелов, позволяющих избежать ответственности участникам, поведение которых способствовало наступлению вреда.

3. Ключевые признаки неосторожного сопричинения

3.1 Два и более субъекта действовали по неосторожности.

3.2 Совершённое каждым деяние нарушает установленные требования или правила.

3.3 Между поведением каждого и наступившими последствиями существует причинная связь.

3.4 Действия образуют единое событие, но без умысла или предварительного сговора.

3.5 Ответственность наступает индивидуально, но за общий результат.

4. Рекомендации по квалификации и расследованию

4.1. Установление группы лиц:

4.1.1 Следует идентифицировать всех участников, чьё поведение могло повлиять на наступление последствий.

4.1.2 Оценивать действия не только непосредственных исполнителей, но и должностных лиц, руководителей, организаторов, контролеров, лиц, допустивших халатность.

4.2. Оценка причинной связи:

4.2.1 Применять комплексные экспертизы (например, технические, организационные).

4.2.2 Учитывать опосредованное влияние, системные просчёты, недосмотры в обучении, контроле, управлении.

4.3. Разграничение с соучастием:

4.3.1 Учитывать отсутствие умысла и предварительного согласования действий между участниками.

4.3.2 Квалифицировать не как соучастие, а как индивидуальные действия, приведшие к общему вреду.

5. Корректировка следственной и судебной практики

5.1 Включить в обвинительное заключение описание совокупного механизма причинения вреда.

5.2 Разрабатывать позицию обвинения с учётом кумулятивной опасности действий всех участников.

5.3 Применять дифференцированную, но солидарную уголовную ответственность при квалификации деяний.

6. Статистический и аналитический учёт

6.1 Создать внутри ведомств отдельную категорию дел с признаками неосторожного сопричинения.

6.2 Ввести в формы отчётности (1-М) классификатор: «групповое неосторожное причинение вреда».

6.3 Проводить ежегодный мониторинг и аналитическую проверку применения ст. 254 УК РК и смежных составов (ст. 277–282 УК РК).

7. Межведомственное взаимодействие

7.1 Организовать совместные межведомственные комиссии с участием заинтересованных ведомств и профильных структур.

7.2 Разработать единые протоколы расследования и реагирования на правонарушения, совершённые по неосторожности группой лиц.

8. Профессиональная подготовка и просвещение

8.1 Включить тему неосторожного сопричинения в программы профессионального обучения следователей, прокуроров, экспертов.

8.2 Издать методическое пособие и организовать семинары по анализу судебной практики (в том числе зарубежной).

9. Предложения по законодательному закреплению

9.1 Дополнить статью 21 УК РК «Уголовное правонарушение, совершенное по неосторожности» пунктом 4 следующего содержания: «Уголовное правонарушение признается совершенным с неосторожным сопричинением, если действия (бездействия) двух и более лиц, совершенные по неосторожности,

каждый из которых нарушил установленные (предписанные) требования безопасности, находятся в причинной связи с наступлением общественно опасных последствий, предусмотренных настоящим Кодексом».

9.2 Пересмотреть положения статей 254, 277–282 УК РК, дополнив их возможностью привлечения к ответственности нескольких субъектов, действовавших независимо, но повлекших общий вред.

10. Заключение

10.1 Признание и внедрение института неосторожного сопричинения способствует более справедливому распределению уголовной ответственности, укрепляет принципы законности, равенства и индивидуализации наказания.

Применение данного подхода имеет решающее значение в условиях современного техногенного риска и необходимости противодействия системной халатности.